РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ

РАБ ИЗ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

КНИГА ПЯТАЯ

СУМРАЧНОЕ ДНО

ЭКСМО

Магия – наше будущее

Юрий Иванович

Сумрачное дно

«Эксмо»
2013

Иванович Ю.

Сумрачное дно / Ю. Иванович — «Эксмо», 2013 — (Магия – наше будущее)

ISBN 978-5-699-65423-9

Оказавшись на Дне, Борис Ивлаев, которого называют в мире Набатной Любви Михой Резким, не впадает в отчаяние, а начинает действовать. Дно кишит хищными тварями и бандитами всех мастей, но и тут можно жить и надеяться вырваться с этой каторги. Наверху пытается ему помочь его друг Леонид Найденов, а по просторам Дна бродит вашшуна Шаайла, тоже надеясь на лучшее. Колонизаторы гаузы еще не знают, что их господству в мире Набатной Любви может прийти конец, потому что даже не догадываются об истинных возможностях Михи Резкого…

ISBN 978-5-699-65423-9

© Иванович Ю., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 14
Глава третья 19
Глава четвертая 23
Глава пятая 31
Глава шестая 35
Глава седьмая 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Юрий Иванович
Сумрачное дно

© Иванович Ю., 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая
Спасение и трофеи

Отчего человек радуется? Да оттого, что ему приятно. Оттого, что нечто ему доставило удовольствие, или оттого, что некто сказал доброе слово в его адрес. Конечно, имеются невероятные вершины жизненных свершений, взойдя на которые человек может смело заявлять: «Большего счастья я не познаю, могу умирать». Но, оказывается, есть и глубокие пропасти самого низменного и кошмарного существования, когда человек испытывает примерно то же самое счастье, что и на вершине, но всего лишь от банального осознания, что он не умер минуту назад. И оттого, что, возможно, доживет до завтра.

Смешное сравнение… Даже, скорей, страшное… Зато правдивое.

Но именно таким счастливым я себя и ощущал, притаившись за наспех возведенной преградой из камней и поверх нее наблюдая за сражением местных монстров. Смотрел и радовался, что сам сейчас не валяюсь жалкой кучкой растерзанной плоти. Наверное, до меня никто еще не видел на Дне чего-либо подобного. И не потому, что погибал или убегал, а потому, что попросту не мог разглядеть в здешнем сумраке ничего дальше, чем на пятьдесят-шестьдесят метров. А мне с этим повезло: как обладатель Первого Щита я просматривал почти всю огромную каверну. Обе армии хищников, их атаки и маневры были мне видны с высокого склона как на ладони.

И чем больше я смотрел, тем более поражался увиденному. Разума у здешних созданий не было, но нечто потустороннее, мистическое просматривалось в их действиях. И порой у меня мурашки пробегали по телу при виде идеально ровной шеренги атакующих тервелей. Настолько ровной, что создавалось ощущение парада. Страшные пасти рвали все, что возникало перед ними, с неумолимостью македонской фаланги. Еще напрашивалось сравнение с комбайном, который срезает колосящуюся в поле пшеницу. Атакуя такой фалангой, слизняки отлично защищали свои бока – это были их уязвимые места – да и сзади никто подкрасться не мог.

Но и байбьюки, огромные, четырехметрового диаметра шары плоти, поражали своей ожесточенностью, настойчивостью, и что больше всего удивляло – самопожертвованием для победы. Они выстраивались клином – лидер был метрах в десяти от других – и устремлялись к прущей на них фаланге. Перед самым строем все убивающих крокодильих челюстей лидер подпрыгивал метров на пять, чаще всего используя какой-нибудь бугорок или тело павшего собрата. Там его уже не могли достать пасти гигантских слизней. А потом случалось самое шокирующее: байбьюки не пытались просто прорваться в тыл и атаковать оттуда, они своей лобовой частью жестко ударялись о спинную броню противника, и происходил взрыв!

Оказывается, у лидеров клиньев были груаны, а это местное чудо при попытке его раздавить взрывалось с силой артиллерийского снаряда. Да, при этом лидеры клиньев погибали, зато взрыв легко раскидывал пять-шесть тервелей, и в образовавшийся проем вторгался набравший скорость клин. Вот тогда байбьюки и отыгрывались за отсутствие у них огромных пастей, подвижных шей и здоровенных зубов. Они и своими вытянутыми вперед пастями, усеянными кучей мелких зубов, легко отрывали от боков слизней куски мяса, и те быстро истекали кровью.

Но свои Матросовы были и среди тервелей. Некоторые особо мощные, явно старые, опытные особи сражались в одиночку. Действовали они чаще на флангах, пользуясь тем, что кожа у них раза в два толще, чем у молодых членов стаи, и там трепали байбьюков, словно Тузик грелку. Когда их окружало несколько врагов, пытаясь разделаться с ними укусами сбоку, тервель-одиночка начинал перекатываться в разные стороны, словно гигантская колбаса, затаптывая противников насмерть. А когда враги совсем уж плотно брали тервеля в клещи и вон-

зали-таки зубы в него со всех сторон, обреченный воин изворачивался в последний раз и с особой силой ударялся загривком о землю. Вот тогда взрыв и разносил трупы окруживших жертву байбьюков.

А ведь некоторые монстры носили на себе сразу по два груана! Сдвоенные взрывы оставляли внушительные воронки на месте побоища.

И мне стало понятно, почему после такой вот битвы поисковые партии проживающих на Дне людей находят очень мало груанов. Почти все они уничтожаются во время сражения.

А еще я дважды заметил, как монстры снимали груаны с загривка или «лба» погибшего соперника. Очень осторожно снимали, можно сказать, бережно, с помощью языка и верхней губы. А потом аккуратно укладывали трофей на кого-нибудь из находящихся рядом членов своей стаи.

«Феноменально! – метались у меня в голове мысли. – Не удивлюсь, если выяснится впоследствии, что эти тервели и байбьюки все-таки разумны. Хотя бы частично… Или, может, они просто одичали? Может такое быть? Раньше бы сказал, что нет. Пока не побывал в иных мирах и не оказался здесь… А сейчас ни в чем уже не уверен… Ух! Вот это взрыв! Неужели тервель с тремя груанами попался? Вон какая воронка получилась! О-о-о… Сколько погибло тварей… Нет! Все-таки это хищники! Злобные и неразумные монстры!.. Разве разумные устроили бы такое страшное, бессмысленное сражение? Или их расплодилось слишком много, и они сражаются за пастбища?»

Мне успели рассказать о Синих Полях, где якобы байбьюки паслись и проводили свои брачные игрища. А чем эти монстры питаются еще, кроме мяса? Неужели и в самом деле поедают упругие, как резина, кусты и густой толстенный мох? И тот же вопрос относился к тервелям. Как-то не верилось, что такие огромные создания существуют, питаясь друг дружкой. Интересно будет выяснить и это.

Строенный взрыв (если это и в самом деле рванули сразу три груана) оказался решающим. Все твари, словно по команде, замерли чуть ли не на целую минуту. Ну разве что мелкие шавки-шакалята, которых на поле боя теперь роилось до нескольких тысяч, продолжали свое неуемное пиршество, ни на что не обращая внимания. Видимо, и в самом деле некие зачатки сознания у гигантских чудовищ присутствовали. А может, погибший тервель был вожаком всей армии. Ну и раз вожак погиб, да еще с такими катастрофическими последствиями для противника, то инстинкт самосохранения подсказал каждому существу из противостоящих группировок, что пора заканчивать.

Так что по прошествии минуты обе измочаленные армии стали медленно, но уверенно расходиться. На ходу монстры жевали огромные куски плоти своих противников, которые взрывами разбросало по всей местности.

Рядом со мной сопела Ксана. Сражения она не видела, но звуки его слышала. Очнулся и зашевелился Сурт Пнявый, и мне пришлось отвлечься от происходящего в долине и уделить внимание этому представителю племени предателей.

– Ну что, гнида? – обратился я к нему. – Как тут у вас поступают с такими, как ты? Просто голову тебе оторвать – не прочувствуешь наказания. Посадить на кол? Или скормить монстрам? Ну! Отвечай! – и в приливе злобы пнул ногой пытавшегося сесть Сурта в плечо.

Он опять завалился на бок, чудом не ударившись виском о камень. Но вот на лбу рана образовалась довольно глубокая, потекла кровь. Но у меня не было ни капельки жалости к этому уроду. Скорей пожалел, что не убил нечаянно пинком. Если в советах по выживанию указывалось: «Чужого следует убить сразу», то уж такого типа, как Пнявый, сущность которого недавно прояснилась, нужно было не просто убить, а казнить самым жестоким образом. Иного это мерзкий шакал не заслуживал.

Но тут сказалась моя практичная натура.

«Убить всегда успеем, – подумал я. – А сейчас – допрос! Потом бегом вниз, искать груаны!»

Ухватив Пнявого за ворот, я рывком усадил его спиной к каменной ограде:

– Долго молчать будешь?

Пнявый, не пытаясь вытереть кровь с лица, полностью открыл веки и уставился на меня. Взгляд его был таким мутным, что меня передернуло. Так смотрят сошедшие с ума или «перегоревшие» люди. Полное равнодушие к своей судьбе…

Уверенности у меня поубавилось, но я продолжал:

– Так какую ты смерть для себя выбираешь?

Оказывается, Пнявый с ума не сошел. И окончательно от мира не отмежевался. Даже разговаривать не разучился. А вот голос его стал совсем иным:

– Мне нечего выбирать. Я уже умер. И бояться больше нечего, смерть уже позади. Всю жизнь боялся… Всю жизнь прожил как подлая, трусливая гнида… Унижался, лебезил, пытался угождать всем, кто сильней меня, и заискивал даже перед слабыми… На всякий случай… А зачем? Что мне это дало? Стоит ли мне выбирать собственную смерть? Ударь меня посильней головой о камни, да и все. И действуй без сомнений… Привыкай… Иначе на Дне не выживешь…

Вот уж и в самом деле гнида! Смерти он, конечно, заслуживал, и немедленной! Но зачем тогда, спрашивается, мы его спасали? Зачем Ксана рисковала собой, затирая его следы? Мне даже обидно стало.

Но время поджимало. Допросить его я смогу и позже, никуда этот шакал от меня не денется. Он видит только на полсотни метров, так что я его в случае чего догоню. И связывать его не надо, по сыпучему склону он в любом случае будет двигаться медленнее, чем я по ровной дороге.

Поэтому я решил его здесь оставить, а сам с боевой подругой поспешить на поиски трофеев. Ну вот никак мне не верилось, что мы останемся ни с чем после такого грандиозного сражения. Да и наших двуногих врагов-предателей следовало поискать. Даже «чужие» груаны в здешнем мире – наивысшая валюта.

Я наклонился к застывшему пленнику и прорычал ему в лицо:

– Сидеть здесь и никуда не уходить!

Но, присмотревшись, понял: моя команда пропала втуне. Сурт не шевельнулся, а взгляд его стал еще мутней. Кажется, он уже и в самом деле перешагнул в царство мертвых. По крайней мере, морально – однозначно. Но мысль добить его, чтобы не мучился, я отбросил. Пусть мучается! И хорошо, если хоть немного раскается.

Я стал одеваться – куртки и легкую броню мы сбросили, когда поспешно возводили укрытие из камней. Ксана тоже начала облачаться. Управившись с этим, мы взяли оружие и поспешили вниз. На ходу я поучал ее:

– Держаться только у меня за спиной и смотреть в оба! Там куча шавок, поэтому не расслабляться ни на секунду. Пинай их сапожками осторожно: промажешь, сама грохнешься. Облепят – покусают! И не стесняйся звать на помощь. Наша цель – груаны! В том числе те, которые могут быть на поясах мертвого Крэча Быстрого и его подельников. Их там шесть было. Пнявый – седьмой.

О худшем варианте, что наших врагов сожрали вместе с поясами, старался пока не думать. Ну и не забывал поглядывать в долину. Уходившие войска уже втягивались в проходы, так что еще минимум полчаса с той стороны даже случайно не может появиться самый отчаянный абориген. Да и толпа аборигенов не явится еще по одной причине: вряд ли кто догадается, что именно здесь состоялось редчайшее по массовости и по накалу страстей сражение. А крики и вопли умирающих монстров, грохот взрывов так далеко никак не могли долететь.

Об оставшемся наверху склона Пнявом тоже не забывал – он из-за ограды не показывался.

Когда мы оказались на поле боя, я удвоил внимание. Впрочем, мелкие шакалы нам не мешали. Они так отожрались, что еле двигались и старались убраться с нашего пути. А те, кто не мог двигаться, упирались провисшими животами в землю, скалясь на нас и злобно рыча. Опасности они не представляли, и я отказался от намерения походя тыкать им в голову копьем. Не кидаются, да и ладно.

Первого груана я заметил на перевернувшемся на спину тервеле. Видимо, его опрокинуло взрывом, а потом байбьюки разорвали ему незащищенное брюхо. Ракушка не упала с него, прилипнув к тыльной стороне шеи. Стоило мне только взять ее в руку и осторожно потянуть вниз, как она сразу отклеилась от мертвого тела. Следующую минуту мы с подругой разглядывали доставшееся нам чудо, не в силах оторваться от созерцания. Все-таки есть нечто гипнотическое, мистическое и волшебное в этих образованиях живой природы. Именно ради груанов гаузы захватили этот мир, поработили людей, а порабощенных четырехметровых валухов поставили над ними надсмотрщиками. Люди занимались сбором симбионтов, которые имели удивительно приятный, ослепительный вид маленькой вселенной. От такой красоты больше ничего и не надо: только любоваться.

Хорошо, что из транса нас вывело порыкивание сидевшей недалеко шавки. Я быстро глянул в сторону нашего редута, убедился, что пленник оттуда не высовывается, и скомандовал подруге:

– Давай свой патронташ!

Она отрешенно посмотрела не меня, и я сам стащил с нее пояс.

– Как маленькая, честное слово!.. У нас каждая минута на счету, а ей все бы любоваться сиянием… Вот! Теперь порядок! Идем дальше!

Пояс уже вновь был на ней, да еще прикрытый кольчужной опояской. Но двинувшись за мной, красавица все-таки попыталась возражать:

– Миха, а может, не надо? Ведь женщин среди Светозарных нет. Только даром этот груан «чужим» станет… Да и вообще, если кто заподозрит меня в ношении такого богатства – сразу убьют.

– Не говори глупостей! Чтобы не заподозрили, то, когда устроимся где-то в замке или в башне, пару раз покажешь пояс остальным. Пусть убедятся, что там в кармашках только нитки, иголки и пуговицы. Кстати, на одной из двойняшек в башне пятьдесят пять дробь четырнадцать я тоже видел пояс, но вряд ли кто даже помыслить решится, что у нее там груаны.

– Ну да, я тоже заметила…

Я усмехнулся:

– Ну и дружба наша станет еще крепче. Теперь ты точно от меня не сбежишь.

Ксана шутку поняла и тоже хихикнула:

– Вот это мне не повезло… А ведь так мечтала сбежать от тебя и пожить под покровительством доброго Ольшина! – Правда, тут же ее хихиканье смолкло и она другим голосом, злобным и мстительным, поинтересовалась: – Когда остальными уродами из той башни займешься?

Она меня, похоже, уже за всесильного и непобедимого Гудвина считала! Не иначе! Правда, семерых соратников и пособников Ольшина, самого старого ветерана, а скорей всего и командующего башней, уже нет. Он – восьмой. Плюс двойняшки – десять. Плюс еще три женщины, проживающие там же, как мы поняли из разговора во время пьянки. За вычетом всех остается в объекте из бетонных колец только три защитника. Ну, максимум четыре, если мы не знали о шестнадцатом обитателе. С такой группкой и в самом деле справиться будет несложно. Хотя…

Ведь суть любой башни или замка заключается в преимуществе обороняющихся перед атакующими. Запершись изнутри, используя только метательное оружие, камни и груаны, можно сдержать натиск десятикратно превосходящего противника. По крайней мере, мне так казалось, как человеку, выросшему в Интернете и видевшему подобные башни только раз и в единственном экземпляре.

Так что атаковать подлых предателей будет трудно. Скорей всего, я вообще их оставил бы в покое и отправился на поиски иного места жилья. Но поступить так не давало данное самому себе слово освободить несчастных рабынь, напоминавших мне Верочку и Катеньку. Поэтому либо мы тех уродов прикончим, либо сами головы сложим.

– Как ни велико Дно, но с теми ублюдками, которых собрал вокруг себя Ольшин, нам здесь будет тесно, – сказал я. – Либо они, либо мы!

Мы прошли мимо останков разорванных людей, и меня затошнило от этой картины. И каково же было мое удивление, когда идущая сзади Ксана обратилась ко мне вполне будничным, пусть и несколько отстраненным голосом:

– Миха, а ведь мы можем обмануть Ольшина. И довольно элементарно. Сейчас возвращаемся в их башню, входим к ним с испуганными лицами…

Я резко обернулся и с удивлением уставился в прекрасные глаза, которые теперь были прищурены и поблескивали мстительными огоньками. Похоже, моя подруга утратила чувство реальности и не замечает окружающего. Следовало как можно быстрей вернуть ее на грешную твердь всеми проклятого Дна:

– Ты о чем?

– Входим с испуганными лицами, – остановившись, повторила Ксана. – Вернее, у тебя лицо испуганное, а я в шлеме. И рассказываем, что по пути решили опять заглянуть в тот проход, где мы убили тервеля в наш первый день. Мол, мяска захотелось свеженького. А при возвращении наткнулись на прущих из трех средних проходов стада слизняков. Двинулись обратно, долго прятались, потом вышли. Услышали в долине шум сражения и решили бегом вернуться в башню к «нашим друзьям». Вот и рванули в проход номер пять. И тут ты протыкаешь Ольшина, я – второго. А уж с последним мы в два счета справимся. Даже если и еще один отыщется, то и его заколем. И девочки – свободны! Правда, здорово я придумала?

Она все это протараторила чуть ли не на одном дыхании, я стоял с приоткрытым ртом и мысленно возмущался:

«И почему я сам до такого не додумался?!»

Конечно, в варианте Ксаны были сложности. Каждая случайность могла обернуться для нас гибелью. Но вариант был хорош. Провозись мы здесь еще час, а то и полтора, все равно преспокойно вернемся в башню, и нас никто не заподозрит в обмане. Ольшину, несмотря на весь его опыт, и в голову не взбредет предположить, что мы ухайдакали сразу семерых отличных воинов. Почему их так долго не было до нашего прихода? Ждали в засаде, нас выслеживали. А почему с нами не появились в башне, тоже объяснение есть: оказались на пути монстров, да и убрались куда подальше, забились в какую-то щель и ждут окончания нежданной войны в мире фауны.

Все клеилось. Плюс уточнить у Сурта Пнявого, какая еще может быть реакция на наш рассказ.

Подругу следовало поощрить за превосходную идею.

– Молодец, – сказал я. – Опровергла утверждение о том, что все красивые женщины глупы.

Бывшая секретарша поставного выглядела польщенной. Мы пошли дальше, и она почти тут же заметила видневшийся из-под колобка пояс с кармашками. Как ни странно, но для меня пока груаны на поясах оставались невидимыми. Скорей всего, дело было в каком-то особенном материале, сквозь который мой взгляд обладателя Первого Щита не проникал.

А в этом поясе, после его небольшой очистки и просмотра, мы обнаружили груан! Пусть только один, и «чужой», но зато нежалко будет при отражении неожиданной атаки его использовать как основное оружие. Да и лишняя устрица нас делала значительно богаче во всех смыслах. Плюс ко всему наш азарт поиска усилился.

Наградой нам стали еще два груана, которые мы отыскали на лбу у мертвых байбьюков. Лбы на этих шарообразных телах выделялись шестью-семью складками, и там была твердая, непробиваемая кожа. Во второй складке снизу я и приметил желанное свечение. В первый раз мы бросились к находке сразу, а во второй я поэкспериментировал. Получалось, что я четко вижу груан во лбу байбьюка с пятнадцати-двадцати метров. И несколько напрягаясь, – с тридцати, максимум с тридцати пяти. Честно говоря, вначале я расстроился от таких скромных результатов, но немного подумал, вспомнил об отсутствии подобных способностей у других обитателей Дна и понял, что я чуть ли не держу бога за бороду. С моими возможностями я мог творить удивительные вещи и, без сомнения, долго здесь не задержусь. Как только станем вместе с Ксаной Светозарными, нам откроется дорога наверх, в мир Набатной Любви.

Несколько удивляло расположение чудесных ракушек в складках. Ведь я отчетливо видел во время боя, как раскрывшаяся у мертвого монстра складка «засветила» груан, и тот был подобран окружавшими страшилами. Почему же здесь такого не случилось? Почему складка не раскрылась раньше? Тяжело раненные колобки прожили после битвы еще некоторое время, потому что, судя по всему, пытались покинуть поле боя. И были живы, когда мы уже бродили здесь в поисках груанов.

Из этого я сделал два важных вывода. Первый: груаны поддерживают монстрам жизнь и уж точно помогают залечить мелкие раны. Второй: я допустил непростительное ротозейство! Приблизься мы чуток раньше к умиравшим хищникам, нас могло и пожевать какое-нибудь чудовище, а такое, как тервель, – еще и смертельно ударить всем корпусом во время вращения. И ведь слышал рассказы да предупреждения, слышал! И вроде запомнил, что с поля боя порой и некоторые отряды, ушедшие на сбор трофеев, не возвращаются. Но только теперь стало понятно, почему: монстры на вид мертвые, но жизнь еще в них теплится – и уж человека оприходовать у них силенок хватает. Потому что симбионты им помогают поддерживать жизнедеятельность!

«Значит, придется обзавестись методиками распознавания по шкале: «живой – совсем мертвый», – размышлял я, продолжая поиск на том участке, где видел Крэча Быстрого в последние моменты его жизни. – Иначе лимит удачи может исчерпаться ну очень скоро. И так нам везет, как… Хм! Что-то я не о том везении задумался. Как может тешить себя человек мыслями о везении, если он в глубокой… черной дыре, называемой Дно?! М-да, такое не лечится…»

Мы уже было отчаялись отыскать что-либо толковое, кроме груанов. Тут и в самом деле нужен многочисленный отряд с топорами, крюками и веревками, чтобы оттаскивать тела монстров в стороны, да еще и рубить гигантские пасти. Потому что останки предателей торчали именно оттуда. Одну мы даже раскрыли древками копий, но пояса на неопознанном трупе не обнаружили. Но опять-таки повезло моей глазастенькой подруге. Она заметила торчащий из-под тервеля сапог. И не просто заметила, а еще и опознала его и ткнула рукой:

– Из скользкого зайца! С отворотами. Такие Грэг носил.

Пришлось немного помучиться, откатывая тушу, но оно того стоило: мы стали счастливыми обладателями еще пары «чужих» груанов.

Но настолько замучились, что решили прекратить поиски. Наведаемся сюда позже, и если повезет, то и остальные пояса отыщем. Однако трупы хищников мы обошли все, и я своими умениями просматривал их отлично: ни одного вожделенного свечения.

Покинув поле боя, мы поспешили наверх, к нашему редуту из камней. Наши шансы на выживание повысились.

– Даже не верится, – сказала девушка, ощупывая свой пояс, словно проверяя, не потерялся ли. – У меня уже два «своих» груана и два «чужих»!

– Ты только при пленнике помалкивай! – предупредил я. – Да и улыбку спрячь, а то светишься, как будто уже стала… Светозарной. А еще лучше – шлем надень…

– В нем жарко!

– Ну тогда делай «морду кирпичом». И зря я тебе синяк свел, ты бы с ним более несчастной выглядела. Ха-ха!

Настроение и у меня было хорошее. В моем патронташе хранились уже три «своих» ракушки и три трофейные. Да еще три «чужих» груана, найденных среди вещей банды Витима, у нас были припрятаны возле нашей пещерки, совсем недалеко от места битвы. Мы понимали, насколько нам везло и продолжает везти. Совсем недавно здесь находимся, а уже накопили солидный запас лучшей местной валюты, и в случае нужды можем им защищаться. Ну и самое главное, у нас уже имелось пять «своих» груанов – четверть нужного количества для выхода на поверхность!

Возле нашей маленькой крепости я усилил бдительность, выдвинулся вперед и приближался к ней по верху склона. Предатель ведь мог очухаться и встретить нас гостинцами в виде камней.

Но, увидев Сурта, я со вздохом подумал:

«Окончательно сбрендил!»

Он сидел в той же позе, в какой мы его оставили, вперившись мутными глазами в никуда. Пока я стоял и рассматривал живой труп, сзади приблизилась Ксана, тоже вздохнула и поинтересовалась:

– Что будешь с ним делать?

– Добить его следует. Не оставлять же у себя за спиной…

Моя боевая подруга чуть помолчала, словно в знак согласия, и вдруг сказала:

– Еще чего! Я что, на ишака похожа?

– Э-э? – оглянулся я. – Да как тебе сказать… А почему такое сравнение?

– Бочонок гнатара я, что ли, буду носить? Пусть он носит! Он покрепче меня, вот и будет нашим носильщиком. Пока. А там посмотрим…

Я подумал и признал ее правоту. Не убивать морально угасшего человека, а подлечить, а там и перевоспитать маленько с помощью трудотерапии. Полученный нами за шкуры скользких зайцев бочонок рома весил порядочно, а бросать его жалко, в той же башне может пригодиться как угощение «от нашего столика».

– А он захочет встать и делать, что его просят? – усомнился я.

Ксана захлопала своими огромными ресницами:

– Ты меня покорил своим величием, талантами и бесстрашием, но порой поражаешь своей наивностью. Кто говорил, что этого типа надо просить? Рявкни на него – и нет проблем.

– Ты предложила, вот ты и рявкай! А я посмотрю.

Кажется, у обладателя груанов не только здоровье улучшалось или там отличное настроение гарантировалось, но еще и самооценка, уверенность в себе и сообразительность вместе с наглостью возрастали на несколько порядков. Ни секунды не колеблясь, девушка приблизилась к сидящему в трансе Сурту, наклонилась к нему и пронзительно крикнула чуть ли не в самое ухо. Мужчина дернулся, набивая себе очередную шишку на затылке, и выпученными глазами уставился на красавицу. А та нависла над пленником еще больше и истеричным до визга голосом продолжала орать:

– Чего расселся, Пнявый?! Живо встал! И топаешь впереди нас! Возвращаемся в башню пятьдесят пять дробь четырнадцать! Шевелись!!!

Отчего-то я был уверен, что мужик окончательно навернется разумом после такого стресса. А потому ошарашенно наблюдал, как Сурт молча поднялся и, словно робот, двинулся вниз. Мне пришлось подправить траекторию его движения:

– Вниз пока не спускаемся, идем параллельно склону!

И эта моя команда была выполнена с прилежанием. А может, с полнейшим равнодушием к своей судьбе? Ведь мог бедняга окончательно «перегореть» мозгами?

Именно эти вопросы я и задал девушке, когда мы направились следом. Ксана рассудила с точки зрения простой житейской логики:

– С худого козла хоть шерсти клок.

Пословица, созвучная с земной, меня порядком насмешила, и я долго хихикал. Видимо, еще и нервное напряжение стало спадать после стрессовой ситуации, вот у меня психика и среагировала в стиле моего лучшего друга Леонида Найденова. Да и мысли получили иное направление, словно перед глазами начала пролистываться виртуальная картотека.

Леня, мой друг. Он же барон Лев Копперфилд, он же оружейный мастер Чарли Эдисон. Он же – мой соратник по приключениям в мире Сияющего Кургана. Сколько мы с ним вместе пережили… Сколько раз чудом спасались… И где он сейчас? Чем занимается?

Мыслей, что он погиб, даже в голову не пришло. Такой парень в любом мире и в любой ситуации выкрутится. Тем более что он недавно и сам стал обладателем Первого Щита, возможности его и умения будут день ото дня шириться, совершенствоваться. И если он не наделает ошибок, которые я совершил, попав в мир Набатной Любви, то обязательно проживет и долго, и счастливо.

Естественно, что после мыслей о друге пришли и воспоминания о вашшуне или, говоря русским языком, о колдунье Шаайле. Причем воспоминания, несмотря на нашу с ней интимную близость, не совсем приятные. Ибо девушка с изумительной фигуркой и очаровательной грудью чуть ли не четвертого размера была не только страшненькой (мягко говоря!), но и очень меня напугала своей предположительной беременностью. Мало того, если мне и посчастливится не стать молодым безусым папашей, наша связь с вашшуной, оказывается, будет поддерживаться богами (или шуйвами, как там их называли) мира Трех Щитов до смерти кого-нибудь из нас. А судя по нашим отношениям, я умру раньше.

Девушка, убегая вместе с нами от людоедов зроаков, тоже попала в мир Набатной Любви и сейчас бродит где-то на чужбине с отысканным древним камнем-амулетом. С камнем ей повезло, а вот с выбором товарищей – не очень. Затащили невесть куда, в неизвестный мир! Она-то сильная колдунья, наверное, даже покруче меня будет в разных умениях и возможностях, так что тоже сумеет устроиться неплохо, если гаузы ее не выловят. Хотя и против них она имеет шанс применить свое ментальное оружие. О ней волноваться нечего…

«О! А ведь мы сейчас в совсем ином мире! – мелькнуло у меня в сознании. – Так что никакие силы шуйвов надо мной не властны. И заставить меня спать с вашшуной больше никто не сможет! Ура! И еще три раза ура! Да и на Земле, если я там окажусь, меня никакие иные законы не касаются. Так что в идеале, хоть так и некрасиво думать, но если Шаайла потеряется где-то в многолюдных городах здешнего мира, я не сильно буду плакать. «Се ля ви», как говорят китайцы, отрезая французам… М-да, что-то меня не туда потянуло! – Я начал выискивать взглядом нужное место. – Пора сворачивать к дороге, к нашему припрятанному бочонку с гнатаром. Все-таки не стоит терять такой ценный продукт для местной меновой торговли, как ром. И кстати, надо будет при первой же возможности выспросить, как они тут умудряются делать такой крепкий, пусть и сивушный, но вполне ароматный напиток. С моими знаниями технологий я бы не только улучшил его качество, но поставил производство на поток…»

Глава вторая
Шаайла Беспощадная

А гордая вашшуна, попав на Дно и проведя показательную экзекуцию одного пытавшегося ее изнасиловать мужчины, а потом наказав страшной физической болью пару своих новых подданных, с особым предвкушением стала дожидаться сброса вниз Чернавки. Подлую девку разбойники наверху насиловали, видимо, всей ватагой, так что посылка задерживалась. А уж очень хотелось, да и следовало по всем понятиям дождаться обманщицу, из-за наклепа которой иномирянка и попала в эти гиблые подземелья. Но и время даром тратить не стоило. Поэтому Шаайла начала допрос с бывшего казначея разбойной шайки, которому повезло побыть на должности атамана всего неполный час.

– Что знаешь о Дне? Рассказывай!

Кривясь от боли после доставшихся ему тумаков, еще недавно называвший себя гордо Барсом, а отныне именующийся Червяком, бросил, словно выплюнул:

– Ничего не знаю!

За что тут же получил еще более жуткую боль во внутренностях и упал корчась. Несмотря на почти полную утрату сил, колдунья не гнушалась наказывать строго, сразу и беспощадно:

– Ты, тварь уродливая! – грозно зарычала она, нагнувшись над разбойником. – Забыл добавить положенное мне обращение: ваше могущество! Нет!.. Лучше обращайтесь ко мне отныне оба таким образом: «Дива, путь указующая!»

В их монастыре так называли старших наставниц за высшие знания, умения в чудотворстве и за огромные заслуги перед человечеством. Конечно, себя великой чудотворницей она не считала, но ей было обещано это звание за нахождение камня-артефакта с уникальными магическими свойствами. А так как девушка это сделала, то теперь имела право на ношение высшего титула в иерархии вашшун.

Пусть для постороннего уха подобное обращение и могло звучать непривычно и непонятно, но это повысит ее престиж в глазах любого обитателя Дна.

– Извините, дива, путь указующая! – прохрипел вроде окончательно сломленный морально Червяк. – Больше такого не повторится… Мм!..

Пока он корчился, а потом приходил в себя, вашшуна уже во второй раз набросилась с вопросами на местного жителя и потребовала рассказать о здешних местах. Ее в первую очередь интересовало, где тут обитают люди, которые желают жить по справедливости, нуждаются в ее помощи и могут обеспечить и свое покровительство. Потому что сил у колдуньи было мало, и как бы она ни была горда и самоуверенна, понимала прекрасно: долго она не сможет сражаться со всеми противниками. Подловят на ошибке, ударят в спину и безжалостно уничтожат. Так что первым делом следовало отыскать хороших союзников.

Те, о ком прежде рассказывал Дорт с не совсем подходящим его внешнему виду прозвищем Медовый, ну никак не годились для совместного проживания. Человечней ведут себя пауки в банке или оголодавшие акулы в закрытом водоеме, чем подобравшиеся в нескольких башнях и парочке замков людишки. Ну и самое худшее: женщин там держали на положении бесправных рабынь и торговали ими без зазрения совести. Шаайла понимала, что она не сдержится в первые же часы своего пребывания там, и ни о каком «мягком» перевоспитании окружающих преступников не может быть и речи. Если наверху, даже в разбойной ватаге, женщины считались неприкосновенными и никто не имел права их принудить к сожительству, то здесь, внизу, сразу резко чувствовалась разница в отношении. Этого воспитанная на совсем иных принципах вашшуна не могла принять даже временно.

Потому и продолжала выпытывать да направлять мысли своего первого подданного в нужное русло. Дорт наконец понял, что именно его владычица разыскивает, и скис от осознания условий своего будущего проживания:

– Но там так скучно, ваше могущество! Все жалуются…

– А вот это уже мне решать! Твое дело рассказать все, что знаешь о них. Голые факты. И не вздумай хоть что-то приврать или о чем-то умолчать! Я тебе за это язык отращу такой, что будет он у тебя до пояса болтаться.

Творить такое она не умела, просто хорошо знала, чем порой мужчин напугать можно. Но после такой угрозы запоздало о ней пожалела: рассказчик говорил с такой скоростью, что слова звучали без пауз, порой его трудно было понять.

Подходящих мест оказалось целых два. Было и еще одно, где жили уголовники по человеческим законам, но туда они сами отбирали кандидатов долго и кропотливо. Поэтому новеньким только и оставалось, что два варианта.

Башня 04/100 стояла в самом узком месте перевала, за которым находилась небольшая, но полная трав, грибов и лишайников долина. И проживало в башне сорок человек. Желающих, может, было бы и больше, но пищи не хватало, на охоту за монстрами, как и на поход к ближайшей Длани за пайком сверху, надо было выбираться на чужие территории, а там многие обитателей башни ненавидели. Как следствие – охотились на них рьянее, чем за волшебными груанами.

Вот группа «изоляционистов» и жила на подножном корму. Но жила по строгости и справедливости: никакого рабства, полное равенство и принятие основных решений только путем всеобщего тайного голосования. Количество мужчин и женщин всегда старались поддерживать равное и всеми силами поощряли создание постоянных семейных пар. То есть в башне ноль четыре дробь сто жили трудно, впроголодь, в окружении откровенных врагов, но зато по человеческим понятиям.

А вот в замке с названием Наковальня царила полная свобода нравов, и обитатели, которых там порой скапливалось до трехсот человек, воевали со всем миром. Мужчины называли себя паладинами свободы, а женщины мнили себя ни много ни мало «иконами» все той же самой свободы. Все иконы и рыцари Наковальни вели свою жизнь по Уставу, который в ста заповедях и уточнениях к ним был глубоко вырезан на плите, служившей высоким фундаментом всего строения. По преданиям, несколько раз замок захватывали соседи, уничтожая всех свободолюбивых обитателей. И прилагали титанические усилия по стиранию хорошо видимого Устава. Но, как говорилось в легендах, никто из завоевателей долго в этом месте не задерживался: то сами вымирали от болезней, то их уничтожали неизвестные мстители.

Так что не проходило и года, как замок опять заселялся невесть откуда появившимися рыцарями, в окнах появлялись улыбающиеся лица «икон», а войны с рабовладельцами возобновлялись с прежней силой.

Шаайлу рассказ заинтересовал:

– И как сейчас обстоят дела в Наковальне?

Дорта перекосило от сомнений, но все равно он постарался говорить с крайним почтением и осторожностью:

– Дива, путь указующая! Решать тебе, но предупреждаю: лучше уж в скуке прожить оставшиеся годы в башне ноль четыре дробь сто, чем сунуть голову в мясорубку возле замка. В последние недели обстановка там обострилась до крайности, все управители соседних башен и замков объединяются, чтобы дать зарвавшимся рыцарям по сусалам, готовятся штурмовые роты, и даже из нашей башни завтра выходит боевое отделение с нужной для штурма стен экипировкой. Скоро там будет сплошное море крови.

По виду нахмуренной колдуньи да еще учитывая ее страшное личико, можно было предположить, что она осознала опасности, грозящие ей как в самой Наковальне, так и возле нее. Да и задумалась она крепко.

Но тут повисшую тишину прервал визг тормозящей клети с очередной сосланной на каторгу жертвой. И ожидающие не ошиблись в определении этой жертвы: Чернавка! Но все трое отпрянули от неожиданности, когда двери раскрылись и их глазам предстало то, что осталось от некогда гордой, надменной и восхитительно прекрасной девушки. В следующий момент Червяк бросился к своей лежащей на полу клети любовнице – она была окровавленной и голой. Восклицания, стоны и чуть ли не рыдания понеслись из глотки недавнего казначея и атамана разбойников, когда он понял, что красавица умирает.

Такое вот жестокое наказание измыслили разбойники за обман и ложное обвинение знахарки в убийстве атамана. Знахарку-то они вытащить из клети не успели, а вот ее главную обидчицу (после Барса-Червяка) наказали не просто отправкой на ту же каторгу, а постарались убить морально и физически. На девушке живого места не было. Видимо, вначале она была унижена разбойниками мужчинами, а потом ей еще и от женщин досталось.

Глядя на окровавленную Чернавку, Шаайла поразилась себе. В ней вдруг шевельнулась жалость к подлой девице и к ее престарелому любовнику. Получалось, что они и в самом деле любили друг друга. По крайней мере, Червяк. А тут еще умирающая открыла глаза, увидела своего подельника и вместо проклятий в его адрес попыталась улыбнуться разбитыми губами.

– Любимый, – раздался ее шепот, – прости меня… я не сумела… Я тебя подвела… Прощай…

Понятно, что разбойники ее возненавидели. Не будь этой Чернавки, не случилось бы беды, колдунье разрешили бы поработать с легендарным деревом мадроньо, и лекарство против страшных лучей Ласоча было бы создано. А так все пошло насмарку из-за требований красотки к бывшему атаману. Тот стал форсировать события и был уничтожен, а эти двое свалили все грехи на пришлую ведьму.

За что и поплатились. А теперь запоздало раскаивались друг перед другом. Да и перед колдуньей тоже, потому что Червяк вдруг повернулся к Шаайле:

– Прости нас, если можешь… Но знай, если Зэра умрет, я тоже долго не проживу… А если ты ее спасешь, я до конца своей жизни обязуюсь быть для тебя слугой, цепным псом, рабом и даже подстилкой для ног! Клянусь! Только умоляю, спаси ее!

Вашшуна не хотела, чтобы ее голос предательски дрогнул, а желание немедленно помочь стало заметным. Она уже находилась в одном шаге от прощения девицы. Никогда она не была жестокой, а уж в таком случае, когда дело касалось любви, готова была сама страдать, лишь бы избавить от страданий влюбленных. Поэтому заговорила вашшуна нарочито презрительным тоном:

– Зэра, говоришь? Имя-то какое…

– Самое прекрасное!

Тут в клети раздался препротивный рев, и Дорт Медовый всполошился:

– Сирена! Выносим ее оттуда, быстрей! – Он стал помогать Червяку, приговаривая: – После третьей сирены задняя стенка резко выдвигается вперед, и тем, кто замешкается… – вновь раздался рев, – …часто ломает ноги, руки, а порой и убивает. Уф! Успели!..

Пока мужчины относили девушку на стол, створки клети захлопнулись, и она со скрипом рванула вверх. А Дорт продолжал:

– Когда никого внутри нет, и сирены нет. Клеть, сразу как освобождается, удирает наверх. А здесь частенько сидит дежурный, да и наряды обходчиков нередко заворачивают. Место удобное, хищники почти не наведываются в этот тупик, а если и сунутся, то вон там наверху есть два узких лаза, ведущих в соседнюю каверну и в одну из долин. Всегда спрятаться можно.

Колдунья осмотрела Зэру Чернавку и определила, что, несмотря на побои и многократное изнасилование, с ней все не так и плохо. Разве что пришлось для гарантии устранить внутреннее кровотечение да подлечить колено. Как над красавицей ни поиздевались мужчины, как ей ни добавили напоследок женщины, она просто обязана была выжить. Если ей предоставить хороший уход и питание.

Не прошло и получаса, как вашшуна, замершая над окровавленным телом, зашевелилась, распрямила устало спину и оборвала непрерывный поток своего первого подданного:

– Помолчи пока. А она… выживет теперь уж точно… Но нести ее нужно осторожно, без тряски. Так что быстренько соорудите носилки!

Когда носилки были сделаны, пострадавшую уложили на них, прикрыли одеждой убитого насильника, умершего от кровоизлияния в мозг, и трофейным плащом. Переложили в мешок Дорта все скудные запасы пищи, которые извлекли из мешка убитого, и тронулись в путь, конечную цель которого указала вашшуна:

– Замок Наковальня!

Прошли совсем немного, и Шаайла спросила у пригорюнившегося Медового:

– Почему это у тебя такое прозвище? Неужели кровь такая сладкая?

Мужик вздрогнул:

– Не пугайте меня, госпожа! Меня так назвали за мой голос. Лучше меня никто не поет во всей округе. Даже из дальних мест порой приходят послушать мои песни в нашу башню.

– Надо же! Да ты тут знаменитость!

– Наверху у разбойников нет иного пути для посылки, как только сюда, – продолжал Дорт. – Поэтому они не знают о том, что тут сто двадцать уровней. Да еще и между ними, как многие утверждают, есть по несколько подуровней. Я ведь уже говорил, здесь целый мир, без края и конца, без дна и без крыши…

– Как называется эта местность? – спросила Шаайла.

– Здесь места называют только по номерам уровней да по ближайшему, самому крупному замку. Замок – Наковальня. А уровень – сорок четвертый… Кстати, вы не забыли, что мы будем проходить через территории, где обитают громадные тервели, опаснейшие зервы, скатраги и превышающие гаузов по размерам байбьюки?

– На память не жалуюсь…

– Как же мы пройдем? Там порой целые отряды охотников исчезают бесследно.

Колдунья ответила только после длинной-предлинной паузы, уже начало казаться, что она вообще промолчит:

– Ерунда эти ваши слизняки и прочие зверушки. Если я умею людей укрощать, то уж с дикими животными тем более справлюсь. И это… рассчитывай так, чтобы мы в удобном месте расположились на привал через два часа. А если удастся, заверни к ближайшей Длани. Не помешает и нам троим получить свою порцию продуктов.

– Но ваше могущество! Я ведь уже говорил: те, кого скидывают разбойники в своей клети, нигде не зарегистрированы наверху как «воины принудительного войска», и пайки пятидневные они не получают. А мне еще трое суток ждать, получил недавно… Жаль, в башне все осталось…

На это самонадеянная вашшуна ответила, пренебрежительно фыркнув:

– Ну сколько можно тебе твердить одно и то же? Если я диких монстров не боюсь, то с Дланями тем более справлюсь. А ты мне в этом поможешь, Медовый ты наш!

– Чем помогу? – напрягся испуганный певец.

– Да не бойся, не кровью. А вот воспоминаниями придется поделиться. Ты ведь давно здесь? Вот и отлично! Значит, со многими ныне покойными персонами общался и должен помнить…

Мужчины так и прикипели взглядами к страшной женщине, и даже израненная, но пребывающая в сознании Зэра открыла глаза, пытаясь в странном сумраке разглядеть выражение лица своей спасительницы-наказательницы. Все они подумали, что для обмана системы выдачи льготных пайков иномирянка начнет призывать в этот мир уже давно умерших предков.

Конечно, они ошибались, но, тем не менее, были не так уж далеки от истины. Шаайла могла решать сложные проблемы благодаря знаниям и умениям, которыми обладали многие вашшуны мира Трех Щитов. А уж тем более те, кто обучался в самом знаменитом и самом древнем монастыре огромного мира. Этот монастырь, по всеобщему признанию, подпитывали колдовскими силами покровители мира, достающие своими дланями силы из самого Сияющего Кургана в Рушатроне, столице империи Моррейди.

Глава третья
Восхождение звезды Леонида Найдёнова

Выходец с Земли, уже в который раз сменивший свое имя, а если говорить о последнем преображении – только фамилию, никогда не унывал. А коли вдруг и нападала тоска-грусть-печаль по поводу пропажи товарища, то ему достаточно было встать перед зеркалом и воскликнуть: «Я Чарли Чаплин!» – и он минут пять смеялся. В прошлый раз, когда он стал помощником оружейного мастера и назвал себя Чарли Эдисоном, тоже было смешно. Да и первое имя, Лев Копперфилд, – вызывало у него буйное веселье. На Земле такого себе не позволишь, а тут – сколько угодно. Пользуйся и радуйся! Ну разве что была еще одна мечта: поработать под именем и фамилией самого любимого и уважаемого Леонидом Юрия Никулина.

«Но это не к спеху, – размышлял артист, главный режиссер и импресарио в одном флаконе. – Оставлю эту идею до возвращения в столицу империи Моррейди. Уж там мы с Борей развернемся по максимуму. Построим настоящий, самый лучший в мире Трех Щитов цирк и будем зажигать! Точнее говоря – арляпасить!»

Здешнее слово «арляпас», соединяющее водевиль, исполнение песен и цирковые номера, землянину нравилось очень и очень. Было в этом слове нечто более завлекательное, чем в слове «цирк». Особенно когда конферансье орал на все помещение раскатистым, густым басом: «Аррррряаапаааассс начинает представление!» Только от этих звуков бежали мурашки по спине и настроение подскакивало на несколько порядков. А когда оркестр начинал играть марш, которому музыкантов научил Звездный Чарли, то ни один зритель не мог удержаться от радостной улыбки.

Ну и сказывалось, что Леонид теперь сам руководил всем творческим процессом своего арляпаса. Это было не только интересно, не только давало основание быть довольным собой, но и позволяло показать свои таланты в полной мере. А уж сколько задумок было на ближайшее время и на далекое будущее – не перечесть! Можно было творчески расти, тем более с багажом знаний о великих артистах своего мира. Казалось бы, что еще нужно человеку для счастья? Даже здесь, в этом странном подземном мире, жители которого не могли выходить на поверхность под прямые лучи жестокого Ласоча, можно было стать самым знаменитым, самым счастливым и самым востребованным человеком. И какая, в принципе, разница, где и с кем добиваться таких грандиозных успехов?

Ан нет! По многим причинам не лежала душа у Леонида Найдёнова к этому миру. Первая и самая главная: он сильно волновался о судьбе своего лучшего друга, боевого побратима, да и почти что родного брата по крови Бориса Ивлаева. Как он? Что с ним? Где он? От этих вопросов артист порой себе места не находил.

Вторая причина: этот мир все-таки был порабощен. Да еще и непонятно какой, но явно гораздо высшей по своему развитию цивилизацией гаузов. Да и слуги рабовладельцев, четырехметровые валухи со зверскими рожами, нешуточно напрягали. А это мешало полному спокойствию, заставляло часть сознания все время быть в напряжении.

А вот о Шаайле, вашшуне из мира Трех Щитов, он вспоминал меньше.

«Такая деваха нигде не пропадет! – говорил он себе. – Да и, наверное, уже вернулась в свой монастырь. Выждала сутки и вернулась. Не стала ждать четыре или пять дней, как настаивал Боря. Потому что найденный Ивлаевым камень-талисман не даст ей ни спать, ни есть спокойно, пока артефакт не будет доставлен по месту назначения и не применен. Да и в самом деле, разве с таким можно ждать? Наведение мора, эпидемии на подлых кречей – это же невероятный козырь! Как только рогатые твари заболеют, у них онемеют лопаточные мышцы, и вонючие уроды перестанут летать. Что может окончательно переломить ход войны в пользу

людей. Да оно и правильно… иначе нельзя… людоедов и их приспешников надо уничтожать денно и нощно…»

По поводу друга он только в одном не сомневался: тот без него никуда не уйдет. А вернувшись в пантеон и не застав там никого, начнет шагать с обрыва сколько надо раз, все высмотрит, все поймет и начнет поиски.

Следовало помочь Борису в этом, а еще лучше самому как можно быстрей добраться до вентиляционной шахты и шагнуть в мир Трех Щитов. Но если перемещаться куда хочешь и как хочешь не получалось, то уже с первых дней новоявленный Чарли Чаплин постарался заявить о себе с помощью рекламы. И для этого средств не жалел.

Его администратор и бывший владелец арляпаса Крамар Лукоян чуть не плакал, не в силах переспорить своего работодателя:

– Ну на кой, скажи мне, на кой ляд нам надо расклеивать афиши о выступлениях здесь чуть ли не во всех городах? Да нам даже в нашем Пловареше никакой рекламы не надо! У нас билеты проданы на недели вперед! А можно и на десять лет вперед продать! И даже устраивай мы гастроли по иным городам, всех желающих все равно не сможем порадовать просмотром наших выступлений. И опять-таки, там тоже не понадобится развешивать дорогостоящие афиши. Уж поверь моему опыту! Так что успокойся и не мути воду своими всемирными рекламными акциями!

– Эх, Крамар, Крамар! – воскликнул артист. – Ничего ты не понимаешь в душе работников развлекательного жанра! Неведомо тебе тщеславие артиста, который мечтает не только об аплодисментах местной публики, но и о всемирной славе. Мечтает, чтобы его узнавал каждый!

– Тебе это не грозит, – возразил Лукоян. – Ты все равно ходишь по городу в маске или в сложном гриме.

– Ха! Да мне плевать лично на себя, ты ведь знаешь. А вот остальные заслуживают славы!

– Ну да… – Крамар воровато оглянулся, нет ли рядом его жены, и заговорщически подмигнул Чаплину: – Особенно танцовщицы заслуживают, ублажая тебя?

– А что делать? – развел руками Чарли. – Издержки профессии… Быть возле колодца с такой чистой и вкусной водой, да не напиться?

– Хе! Экий ты философ! На все у тебя есть оправдания… Но разговор у нас сейчас не о том: средств не жалко на печатание рекламы и расклейку ее по всем городам?

– Да ладно тебе жадничать! – укорил землянин администратора. – Денег у нас навалом, так пусть и на нас кто-то заработает. Мало того, я вот тут решил, что нам не помешает самим купить хорошую типографию и начать издавать свое, совершенно новое издание. Будет именоваться журналом, описывать все новости в сфере досуга и развлечений, и наречем мы его «Мир искусства». Как тебе идея?

– У-у-у!… – замычал в расстройстве Лукоян. – Вылетим в трубу!

В мире Набатной Любви или, как иногда его еще называли местные жители, в мире Груанов выражение «вылететь в трубу» имело тройное значение. Привычное землянину – «стать банкротом»; второе, не совсем понятное, «после броска валуха свалиться в ледяную купель»; и третье, самое мрачное и непонятное, «свалиться по трубе на Дно».

Но в данный момент ему было важно, чтобы акция с рекламой завертелась в максимально возможном объеме. Он верил, что если Борису попадется на глаза надпись «Арляпас Звездного Чарли», то земеля сразу все поймет и мигом отыщет мастера клоунады, где бы тот ни находился. А мысль с журналом пока забросил только так, для отвлечения стонов на иную тему. Но сейчас заявление о «трубе» его несколько взволновало:

– С чего это такой пессимизм? Почему это мы должны «вылететь»?

Управляющий скривился и понизил голос:

– Ты, право, словно не от мира сего. Неужели не знаешь, что все газеты и прочие печатные издания под строгим контролем гаузов? А точнее говоря, редакторы и главный цензор –

это всегда валух. Мне даже слышать не приходилось, чтобы этим хоть раз занимался человек нашего мира. Даже владельцы типографии обязаны платить такие гигантские налоги и скрупулезно отчитываться за наши афиши, что я просто диву даюсь, зачем они мучаются и как сводят концы с концами.

Связываться с рабовладельцами этого мира Чаплин не собирался никоим образом. Тем более что он так до сих пор и не легализовался. Все никак не удавалось втереться в доверие к поставному сектора настолько, чтобы за взятку справить себе надежный, защищающий от любых подозрений идентификационный жетон. Да и с местным криминалитетом связываться не хотелось. Один раз выйдешь с ними на контакт, потом так и будешь сидеть на крючке и у бандитов, и у местной полиции.

А без жетона никуда из города не выйдешь. И рисковать, пытаясь опять в ночное время выбраться в общественный парк, а потом и до нужного вентиляционного воздуховода с переходом в иной мир было бы очень и очень неосмотрительно. К кому конкретно обратиться с данным вопросом, тоже было непонятно. Администратор, как самый заинтересованный человек, сподвижник и даже друг, для этого не подходил. Хоть и сам уже подозревал о создавшихся у Чарли трудностях, но еще с самого начала заявил:

– Ничем помочь не могу с восстановлением утерянного тобой жетона. Разве что, если придется, скажу, что об этой утере не знал.

Ну и хуже всего, что существовала двойная сетка для идентификации. Внутренний жетон не давал права перемещения в другие города, что невероятно усложняло возможность так необходимой экспедиции к переходу со значком. Для этого следовало оформить торгово-представительский, а он выдавался только на основе внутригородского. Вот такая петрушка получалась…

Так что следовало срочно, еще до начала гастролей или создания журнала, озаботиться собственной легализацией. Но ничего толкового в голову не приходило, разве что после интенсивных раздумий было намечено к рассмотрению одно гипотетически возможное средство. Это были новые умения, которые стали проявляться постепенно у мастера, как у обладателя Первого Щита. Рука у вашшуны в самом деле оказалась легкой. Вырезанный ею лично из крысы-пилап симбионт прижился на теле Найдёнова великолепно и уже на третий день перестал отличаться от других участков тела. А на четвертый день Леонид с радостью обнаружил у себя проблески новых возможностей. Он стал что-то различать в кромешной тьме, у него усилился слух, появилась возможность менять обертоны собственного голоса, замечать несвежую пищу (а может, и яды различать, но пока пробовать что-либо отравленное не доводилось) и проникать особым зрением в структуру не только мягких, но и твердых материалов. В том числе и металлов.

Но лучше всего было то, что его вес не изменился. Землянин опасался двух крайностей: неуемного обжорства, какое напало на друга Бориса, и сильного похудания, которому в большинстве своем были подвержены обладатели Первого Щита на ранней стадии своего преобразования. Ел Чарли Чаплин, к счастью, как и прежде, и чувствовал себя с каждым часом все лучше, если не сказать – великолепней. Разве что только одна проблемка его помаленьку начинала беспокоить: несмотря на то, что пошел десятый день его пребывания в ранге привилегированного в мире Трех Щитов кудесника, Найдёнов не выявил ни малейшего изменения на своем изуродованном лице.

А ведь он хорошо помнил, что его земляк Ивлаев начал расти, излечиваться от тяжелой травмы детства уже где-то на шестой-седьмой день после того, как проглотил симбионты. Там было не так просто как с Леонидом, когда вашшуна взяла да наклеила кусок попискивающей плоти мэтру на плечо. В плену у людоедов Бориса заставили проглотить сразу три Щита – все были уверены, что живут последние часы, а ценные симбионты ну никак нельзя было отдавать людоедам зроакам. Вот и перестарались охотники. Что с ними стало потом – неведомо, а

Борису удалось вырваться из плена, и он вновь оказался на Земле. И ему сделали промывание желудка, изъяв Первые Щиты, которые начали воевать между собой, чуть не убив при этом своего носителя.

Правда, потом оказалось, что один Щит все-таки остался в желудке страдальца, прижился, так сказать, до смерти. Но наверняка он и самый сильный был среди ему подобных. Потому что выздоровление Ивлаева, а в то время уже справного барона Цезаря Резкого, шло невиданными темпами, в которые даже Двухщитные врачи верить отказывались.

«У Бори некий симбионт-уникум попался, вот он и стал красавцем за две недели, – успокаивал себя Леонид. – По рассказам специалистов, у других полгода, а то и год на излечение подобных травм уходило. Так что у меня времени еще – масса. Да и неважно, как я выгляжу. Работать даже удобнее… Самое главное, что иные умения проявились, и это мне поможет обзавестись пусть и фальшивым жетоном, но ничем не отличающимся от настоящих. Жаль только, что у меня лаборатории для этого нет. Или что там иметь желательно? Да и в металлах, всяких чипах и программировании я не разбираюсь. А ведь наверняка гаузы нечто эдакое вложили в идентификационные документы из своей технологии. Но в любом случае первый шаг надо сделать, посетив управу нашего сектора… Или не стоит рисковать? Вроде поставной от всей души приглашает, все обещает показать самое интересное… Хм! А не покажет ли он мне тюремную камеру и не спросит ли: «А где твой жетон?» М-да, лучше все-таки придумать нечто понадежнее… Да порасспрашивать Лизаветушку с Ладушкой. Кажется, наши отношения уже дошли до максимально доверительных… Если уж они ничего толкового не подскажут, тогда только и останется либо к поставному на поклон идти, либо к уголовникам в гости нагрянуть. Благо, что знаю, где их искать…»

После разговора с администратором арляпаса Леонид направился в отель, где в оплачиваемых им комнатах на двух этажах проживали артисты, танцовщицы и певцы.

Ему предстояло переговорить со своими подругами по работе и личной жизни.

Глава четвертая
Новые пертурбации на дне

Наш бочонок с ромом, никем не потревоженный, так и покоился в выемке у скалы, прикрытый камнями. Еще на подходе к нему я стал подумывать о целесообразности ношения с собой такой тяжести. Хоть у нас и появился носильщик, но не лучше ли его использовать для других, более насущных задач? Кстати, еще следовало разобраться, будет ли он нам лоялен и подчинится ли, когда окажется возле стен родной башни?

По этим вопросам мы и стали с подругой советоваться, остановившись возле приметной скалы. И опять Ксения показала сообразительность:

– Пусть несет ром, так устанет больше. Потом его прикуем за пределами видимости наручниками к дереву потолще, а сами пойдем штурмовать башню, неся бочонок… хм… на моей спине. Если башню захватим, то все равно там оставаться будет нельзя долго. Придется перебираться с освобожденными женщинами куда-нибудь в иное место. И вот тогда нам все носильщики понадобятся. А то и не на одну ходку.

Я кивнул:

– Ну да… Знать бы еще, куда перебираться станем…

– У этого спросим, – указала подруга взглядом на Пнявого. – Будет не только ром тащить, но и на вопросы наши отвечать. Давно здесь, много должен знать.

Так мы и сделали. Водрузили Пнявому бочонок на плечо, зажали его с двух сторон, да и двинулись дальше.

Как ни странно, Сурт на вопросы отвечал, правда, голос у него был безжизненный. Но сведения он сообщил интересные. Ведь во время недавней пьянки нам не то чтобы врали, но зачастую не договаривали, а то и вообще уходили от ответов. Дескать, новичкам много знать не положено, вот вольетесь в наш коллектив – всему обучим.

Вопросы выбирал я и делал это чисто интуитивно. Так, я спросил не о тех, кто остался в «родной» башне самого Пнявого, а о нашем новом знакомом, Емельяне из замка Зуб. Меня очень заинтересовал он сам и условия обитания в его твердыне. И получил весьма исчерпывающий ответ.

Емельян, как и все остальные обитатели Дна, не имел ни фамилии, ни второго имени. Как и все, он носил данное уже здесь или выбранное самостоятельно (это зависело от позиции человека) прозвище. У него оно звучало более чем оптимистично: Честный. И соответствовало сути этого воина. Истинный рыцарь, бесстрашный мститель, отличный товарищ, противник рабства. Емельян оказался чуть ли не единственным из знакомых Пнявого, который открыто и безбоязненно высказывался за предоставление женщинам полной, безоговорочной свободы. И, пожалуй, только за это рыцаря везде не любили, побаивались и кривились у него за спиной. В головах уголовников и прочей швали не умещалось, что можно и на Дне жить нормальным человеческим обществом.

По той же причине и в самом замке Зуб относились к Честному с настороженностью. Начни он устраивать в одиночку революцию, ему бы этого не простили. И, как говорится, один в поле не воин. Подобных борцов за справедливость убирали тихо и беззвучно.

Я понял, что союзник номер один – найден. И перешел на вопросы, связанные с башней 55/14. Следовало узнать: сколько, где, кто, как атаковать и кто представляет наибольшую опасность. И тут не обошлось без сюрпризов. Монотонным, скучным голосом Сурт сказал:

– Ольшин Мастер – самый старый и самый опытный во всей округе. Но командует в башне не он. Всеми делами заправляет Крэч Быстрый. Причем заправляет уже более года, убив

во время жестокой драки своего предшественника на посту главного торговца, переговорщика и управляющего.

– А кому же принадлежат рабыни башни? – спросила Ксана.

– Официально их когда-то купил сам Мастер. Но неофициально они сразу принадлежали именно управляющему. Да и во всех обителях примерно то же самое. Рабовладелец, если он не сам занимает пост управляющего, обязан делиться правами на свою собственность с более сильным, пробивным и властным.

– Так что, если Крэч будет убит, то рабыни перейдут к новому управляющему? – поинтересовался я.

– Да, – ответил Пнявый.

– А что собой представляет ветеран Ольшин?

– Он нас всех ненавидит. И был против того, чтобы мы ринулись за вами и устроили засаду. Утверждал, что вы приличные люди, и, действуя на вас добром, можно добиться большего, чем силой оружия. Но Быстрый приказал ему закрыть пасть и заниматься своими делами. И послал нас всех вперед устраивать цепочку слежения. Он догадался, что вы недалеко от нас, и говорил, что вы везунчики. Тем более когда узнал, что вы справились с бандой Витима. А у каждого из той троицы, как говаривали, в патронташе всегда не меньше десятка «чужих» груанов. Вот потому вас и решили выследить и как следует пощипать вначале и уже потом силой заставить поселиться в нашей башне. Если не получится, то убить и забрать все, что вы с собой принесли сверху.

У Пнявого удалось выведать еще много полезностей. Особенно по поводу оставшихся двух типов и одного парня, которых мы никогда не видели и не знали. Ведь помимо четырех женщин возле Ольшина оставалось сразу трое мужчин. Это я выяснил, описывая хорошо рассмотренного мною типа, который шел по нашему следу вместе с Быстрым. О тех, кто погиб вместе с ним, Сурт и сам догадался, что их больше нет.

И вот эта троица, да плюс Мастер, представляла собой довольно сложную для нас задачку. Про Ольшина Пнявый утверждал, что он и за меч не берется никогда. Как незаменимый специалист он нужен всем: без него невозможна рубка деревьев, он умеет шить, столярить, гнать ром, делать стекло, строить повозки и массу всего иного, без чего не может обойтись ни одна община на Дне. (А по моему мнению, Ольшин мог сравниваться своими умениями и способностями с обладателем Первого Щита.) Таких никто и никогда не убивает. Грабят – да, но ни единой царапины при этом стараются не нанести. И ветеран до сих пор лелеет надежду собрать свои десять ракушек, стать Светозарным и отправиться на поверхность.

Причем не просто думает, а уже пару раз был в нескольких шагах от успеха, потому что разными путями, делами, торгами и заслугами пытается насобирать вожделенный десяток. Три года назад у него было уже восемь груанов, а пять лет назад он насобирал семь. Но тогда башни, где он обитал, пали. Разбойничья война здесь велась постоянно. И порой неизвестно, откуда заявлялась банда человек в сто, а то и в двести, и нагло требовала отдавать все. Легче было подчиниться, чем сидеть в блокаде долгое время, а потом все равно погибнуть. Вот малые общины и отдавали.

Хотя некоторые и сражались до последнего воина, порой даже побеждая десятикратно превосходящего врага.

На данный момент у Ольшина имелось целых шесть «своих» груанов, и он не покладая рук работал над приобретением седьмого. Но, даже имея на руках девять, он сражаться не станет.

Неким темным пятном был молчаливый парнишка лет семнадцати. На Дно он попал лишь два месяца назад и на все реагировал вяло. Его обучали, заставляли овладевать мечом и копьем, но больше он годился только на «подай-принеси». Почему он попал на каторгу, паре-

нек не говорил, но, судя по всему, это была какая-то трагичная история. Как Лузга Тихий себя поведет во время захвата башни, было неизвестно.

Странное имя у меня ассоциировалось с семечками подсолнуха, поэтому я уточнил:

– Так что у него прозвище? Неужели Лузга?

– Это имя, и довольно у нас распространенное, – пояснила Ксана.

Башня была уже недалеко. Мы свернули в сторону от дороги, где я облюбовал нужное дерево, и уселись там – у Пнявого еще о многом следовало выспросить.

Дальше последовал разговор о самых опасных типах, оставшихся в башне. Один из них, правая рука Быстрого, вместе с ним пришедший в башню почти два года назад, некий Кегля. Внешность и ужимки Кегля имел самые мерзостные, низкие и похабные, которые только существуют в уголовной среде. Он умел очень быстро приводить себя в бешенство, становясь берсерком, что делало его очень опасным и непредсказуемым соперником в бою. К женщинам он относился с полнейшим равнодушием, зато считалось, что он обслуживает Крэча в его сексуальных утехах. Хотя никто никогда этого не видел, да и с рабынями управляющий баловался частенько. Но слухи ходили. Из чего стоило сделать вывод: Кегля будет драться до последнего. Потому что такую гниль обязательно убьют потом, как бы он перед новыми управляющими ни извивался.

Второй тип, Олег Светлый, был явной противоположностью уголовникам. Внешне. Здоровенный плечистый блондин с голубыми глазами, превосходный воин и умелец на все руки. Он даже Мастеру помогал в охотку всегда и во всем. Одно только в его характере отпугивало, противоречило прозвищу и заставляло бояться: он был садистом. Даже тервелей и байбьюков Олег убивал не сразу, а долго заставляя хищников орать, дергаться в конвульсиях и захлебываться собственной кровью. А уж о тех пленниках из числа людей, которые попадали в его руки, жалко было вспоминать, настолько жестоко он с ними обходился. Рабыни двойняшки боялись его пуще огня и больше всех остальных обитателей башни вместе взятых.

Этот тоже будет драться до победного, причем в охотку. Олег и был единственным, кто постоянно твердил Крэчу Быстрому, что следует постоянно нападать на соседей, устраивать им засады, хватать, резать и уничтожать, уничтожать, уничтожать… Короче, тот еще прогнивший насквозь фрукт. В любом ином обществе его бы давно казнили, а на Дне он продолжал здравствовать.

Но и этого оказалось мало на наши души. Среди женщин тоже имелась подлая и мерзкая овца, которая подпадала под классификацию «враг». Тридцатидвухлетняя любовница Быстрого, которую он тоже неизвестно откуда привел в башню вместе с Кеглей. Без ума влюбленная в своего патрона и готовая зубами рвать любого, кто просто замахнется на него. Хоть Олега Светлого, хоть Мастера, хоть кого угодно. Она отлично владела ножами, рапирой и умела делать яды и сонные зелья. Бедняжкам рабыням тоже доставалось от нее преизрядно, и она бы их сжила со свету от ревности, если бы не прямая угроза управляющего: «Повредишь физически мое добро – руки поломаю!» Угрозы он свои выполнял всегда, вот любовница и сдерживалась. Но все равно над двойняшками измывалась по-черному. Как бедняги только руки на себя не наложили…

Все это мы выслушали внимательно, уточняя малейшие детали.

Настало время действовать. Мы и так уже полчаса тут проторчали. Хотя я и продолжал наблюдать за башней и был уверен в том, что нас оттуда никто не видит.

Когда я приковал Пнявого наручниками к стволу, причем ядовитому, он по-прежнему бесстрастно сказал:

– Я понял, что ты с этой точки прекрасно видишь башню. А значит и зрение у тебя лучше всех. Древесину ты тоже различаешь, выбрал специально это вот ядовитое дерево. Я-то тут каждый ствол за долгое время запомнил, они ведь вечные… Миха… Молчун… не забывайте

про меня. Жить мне не хочется, да и умер я уже… Но в любом случае постараюсь вам пригодиться… Удачи!

Мы двинулись к дороге, чтобы подойти к башне именно с той стороны, и я все с недоумением оглядывался на мужика. Вроде ему уже все равно, но заметил все! Даже куда я посматривал время от времени и к какому дереву подвел. Экий шустрый, даром что трус и моральный покойник. Но, может, как раз чудесное спасение в самый последний момент и заставит человека жить совсем по-иному? Может, он и в самом деле нам пригодится?

– Я ему ни капельки не верю! – заявила Ксана. – Мы можем оказаться в западне.

– Пока он нам ничего неожиданного не поведал, – сказал я. – Количество воинов примерное мы знали, в характеристиках ничего невероятного. Разве что Сурт пытается подставить под наши мечи в первую очередь своих врагов и выгородить сторонников, но мы-то в любом случае станем относиться настороженно ко всем и к каждому. А поэтому…

Мы вышли на дорогу, и я стал давать инструкции, рассчитанные на несколько вариантов развития событий. Бочонок с ромом, как только мы приблизились к башне на шестьдесят метров, я беспардонно закрепил на девичьих плечах, чтобы его было видно издалека.

Несмотря на малочисленность гарнизона, на четвертом кольце прохаживался постовой. И это был, судя по описанию Пнявого, тощий Кегля. Заметив нас и во все глаза попытавшись рассмотреть, он через десять секунд проорал что-то вниз, себе за спину, а когда нам осталось до него двадцать шагов, рядом с ним показался белобрысый красавчик. Две секунды раздумий, и он заголосил:

– Эй! Стоять! Вы откуда тут взялись?

Ну, мы еще пару шагов прошли как бы по инерции, и я, задрав голову, стал рассказывать об увиденных стадах и о наших переживаниях, пока мы прятались в дальнем проходе под номером один.

– А когда стада прошли и мы попытались двинуться за ними следом, то оттуда такие страшные взрывы, вопли и стоны раздались, что мы решили оттуда убраться. А куда? Только о вас и вспомнили, Крэч же нам официально предлагал у вас остаться. Вот мы и подумали: а почему бы и нет? Сутки у вас поживем, осмотримся, а уже тогда решим окончательно. Если не понравится, еще и в замок Зуб наведаемся, там осмотримся да поспрашиваем…

Пока я говорил, возле мужчин появилась какая-то бабенка со странной прической. Я ее из-за прически окрестил Курицей, хотя Сурт и называл имя и прозвище этой дамы.

Ни Олег Светлый, ни Кегля на бабенку внимания не обращали, слушали меня. И когда узнали, что уж сутки мы точно у них проживем, обрадовались.

– Так это же здорово, ребята! Добро пожаловать в нашу обитель! – воскликнул блондин и поспешил вниз с криком: – Лузга! Где ты там застрял?! Открывай засовы!

Кегля задергался, собираясь рвануть следом за подельником, но привитая дисциплина все-таки победила: свой пост уголовник не оставил. А Курица посмотрела на нас, улыбнулась, взмахнула приветливо рукой и тоже поспешила вниз. Но взгляд ее, выразительный, полный алчности и кровожадности, я успел рассмотреть прекрасно.

– Боюсь, бабенка в стороне не останется, – прошептал я подруге. – За спину ее к нам не пускай ни при каких обстоятельствах. Ну и про возможные яды не забываем.

На входе слышался лязг и грохот отодвигаемых засовов. Видимо, здорово забаррикадировались, от всей души. Кого только и опасались? Неужели нас? Или банды из замка 18Ф300? Все-таки там пятьдесят одних только воинов, что не могло не создать обитателям замка мрачную репутацию. А их атаман успел прославиться своей жестокостью и кровожадностью. Так что запоры – защита от агрессии. Хотя для нападающих это не помеха. Постараются зайти с мертвого угла башни, где сплошная стена, бросят метко дротик или даже копье – вот и нет часового. Потом заброс якорей-кошек на то же четвертое кольцо, а то и выше, короткий штурм,

и башня взята. По крайней мере, при необходимости и имей под своим началом десяток хороших воинов я бы действовал именно так.

Но это так, размышления по ходу.

Встречающий нас блондин уже открыл дверь и с улыбкой пригласил:

– Проходите, ребята! По такому случаю можно и выпить по стаканчику.

– Вот мы и принесли наш ром обратно, не стали прятать где-то там, – не менее радостно сказал я, стараясь контролировать каждое движение противника и просматривая, что же творится внутри. А там-то, на первом этаже, никого и не было! – Куда это все подевались?

– Да зачем нам все? Больше самим достанется! – воскликнул Олег. – Сейчас женщины и еду подадут горячую, и салаты с маринадами. А наши все на охоту подались. У монстров сезон брачных игр, и их довольно легко резать. Самое удобное время для сбора груанов. Да вы присаживайтесь, ребята, присаживайтесь. А я дверь прикрою…

Его радость была понятна: все ушли на охоту за новичками, будут там где-то торчать, прятаться, выслеживать, голодать и мерзнуть, а добыча уже сама пришла, и благодаря умному Светлому – чинно-мирно дожидается своей участи. Мало того, если удастся гостей подпоить или усыпить сонным зельем, добавленным в еду, то вполне получится и самому их в плен захватить, а потом и помучить вволю. Голубая мечта садиста.

Стаканы Олег доставал из шкафа с проворством официанта, настолько спешил. Пожалуй, только это и выдавало его нетерпение.

Мы немного расслабились, осознав, что сразу нас атаковать не будут. Каким бы ни был блондин отменным воином, как бы здорово ни владел оружием и приемами борьбы, результат короткой схватки непредсказуем. А зачем ему умирать от раны? Тем более что мы о себе заявили громко, уничтожив троицу самых оголтелых бандюганов в округе.

Так что с нами следует разбираться тихо. Лучше всего – опоив сонным зельем. Или отравив насмерть. Но последний вариант для садиста не подходит. Кого тогда мучить? Да и выпытать следовало у нас обо всех наших тайниках – завидовали нам страшно, будучи уверенными, что мы где-то спрятали три десятка «чужих» груанов.

Вот гостеприимный хозяин и старался. Даже за своим ромом в шкаф полез. Но я его остановил:

– Наливаем из нашего бочонка! Мы угощаем за предоставленный на сегодня приют! Но где же закуска?

– Первую для согрева! – очень знакомо, по-славянски, провозгласил Олег и, чокнувшись со мной, махом опрокинул в себя ром. – А уже вторую – под закуску! – Глянув на Ксану, ехидно скривился: – А что, Молчун так еще и не насобирал пять «своих» груанов? Потому и не пьет? Ха-ха-ха!

Мы с ним приступили к обмену шуточками насчет всяких несуразных обетов, но мысленно я пытался просчитать ситуацию. Очень не нравилось, что я не вижу остальных и не знаю, чем они занимаются. Будь все четверо мужчин здесь, да плюс Курица, я бы начал атаку. Но пока о ней и думать не стоило. Если я завалю Светлого, то это может означать и нашу гибель. Уничтожать нас мечами не будут – просто бросят груан, и от нас в замкнутом помещении только порванные тушки останутся. Значит, следовало как минимум дождаться прихода Кегли и Курицы. Ну и желательно Мастера увидеть да лишний раз убедиться, что он безоружен и драться не собирается.

Поэтому я сказал:

– Раз мы угощаем, то зови за стол всех! Мы и закуску оплатим, у нас есть чем.

– Груаны нашли? – насторожился Олег.

– Да нет, ракушки только мечтаем насобирать. А вот еще три рюкзака с кожей скользких зайцев постараемся принести. Так что вначале хотим поторговаться с Ольшином. Хочется узнать, сколько мы заработаем.

Блондин ожесточенно зачесал в затылке, прикидывая, как нас быстрей раскрутить на найденные богатства, но от уточняющего вопроса не удержался:

– И эти три рюкзака вы тоже у Витима забрали?

– Нет, мы уже позже отыскали их тайник, на дороге к пастбищам байбьюков. Успели последнего раненого немножко поспрашивать… Ха-ха!

Светлый явно принял меня за своего брата-садиста, потому что посмотрел на меня уже совсем иным взглядом, в котором к зависти добавилось еще и уважение с восторгом. И рванулся к лестнице:

– Сейчас всех позову, кто не спит!

– И рабынь – обязательно! – крикнул я ему вдогонку. – А то я уже по женским личикам соскучился!

Садист замер на середине лестничного марша и, пригнувшись, уставился на меня:

– Ну, ты, Миха, и бабник! Неужели и в самом деле тебе настолько сперма на мозги давит?

– Почему бы и нет? Я молодой, здоровый, да и дело это приятное! – я захохотал, а потом еще и подколол его: – А тебя неужели на баб не тянет?

– Тянет… но одного раза в неделю вполне хватает, – буркнул Олег и умчался наверх.

Пользуясь его отсутствием, мы выбрали самые удобные места – спиной к стене, лицом к лестнице. Наверняка хозяева, самые основные соперники наши и самые опасные, усядутся напротив нас. Я дал новое задание подруге.

– В любом случае они оставят наверху постового, – сказала Ксана.

– Ну, тут ничего не поделаешь. Главное, чтобы наверху самый боевитый не остался. А уж потом мы даже Кеглю уговорим сдаться, объяснив ему всю диспозицию. Может, он и клюнет на обещание отпустить его на все четыре стороны. Нам только и надо, что двойняшек освободить. Ну и третью женщину, как ее? Франя!.. Поэтому настаиваем, чтобы и они за стол уселись!

Послышался топот, и по лестнице спустилась целая компания. Следом за Олегом шел словно сомнамбула Лузга Тихий, подпоясанный, с мечом в ножнах, которые смотрелись на нем как седло на корове. Оставалось только удивляться, как он в ножнах этих не запутался и не сверзился со ступенек вниз головой. За мужчинами следовали с подносами три рабыни.

Первой шла заочно нам описанная Франя Ласты, получившая свое прозвище за кожистые перепонки между пальцами ног. Атавизм у человека, наверное, да только для несчастной он стал лишним поводом для оскорблений и унижений. И хорошо, что не прижилось более обидное прозвище Жаба. Было ей пару лет за тридцать, но смотрелась молодка довольно прилично, несмотря на тяжкие три года существования на Дне. Да и веселым нравом, по словам Сурта, женщина выгодно отличалась от всех остальных. Больше бы ей подошло прозвище Хохотушка, чем Ласты, но мнения рабынь никто и никогда не спрашивал. Она считалась лучшей поварихой в башне, что хоть немного заставляло уважать женщину и скрашивало ее рабское существование.

Имена обеих двойняшек мы уже знали, но так как их было невозможно различить, то я, чтобы не путаться, называл их про себя просто первой и второй.

Женщины поставили на стол тарелки и глиняные миски с холодными закусками и салатами. Разложили ложки и ножики для мяса и встали в сторонке. Но я заставил самых ущемленных обитательниц башни усесться за стол.

– Вообще-то не положено, – пробормотал Светлый. – Тем более при посторонних.

– Какие же мы посторонние?! – моему показному возмущению не было предела. – Считай, что уже начали проживать здесь вместе с вами.

Олегу, видимо, не терпелось претворить свои задумки в жизнь, и он решил не спорить.

– Ну, тогда выпьем и закусим! – он разлил ром по стаканам.

Выпить-то я выпил, но вот на закуску уставился с подозрением и выдал свою очередную выдумку:

– Мне Емельян из Зуба рассказывал, что у вас тут часто травятся от деревьев, травки разной и мяса животных. А посему надо жить только у них, там знаток по всем этим ядам и противоядиям имеется…

– Что за чушь?! – воскликнул Светлый. – Врет этот Емеля! Если яд и бывает, то лишь в некоторых деревьях. Но наш Мастер в этом разбирается лучше, чем любой знаток в округе. И смотри: мы ведь едим!

И не только личным примером стал показывать, хватая все подряд, но и рабынь заставил коротким рыком «жрать!» присоединиться к пиршеству. Первый Щит позволял мне большинство ядов в пище рассмотреть, так что я тоже налег на еду. А Ксану мне было жалко: она только изредка приподнимала забрало шлема да закидывала в рот кусочек чего-нибудь мясного. Что служило поводом для издевок Олега.

Когда он ляпнул очередную гадость, мой оруженосец поступил воистину по-мужски: натянул рыцарскую перчатку и грохнул кулаком по столу. А потом взял стоявшее у него за спиной копье.

– Ты бы лучше Молчуна не трогал, – сказал я. – Он порой так взбелениться может, что даже я его побаиваюсь. Учти, там, наверху, – я ткнул пальцем в потолок, – у него было прозвище Бешеный.

Похоже, это садиста несильно напугало, но в выражениях он стал гораздо сдержаннее. А я постарался перевести разговор на другую тему:

– И где это ваш Мастер? Почему не спускается для торговли? Или брезгует с новыми товарищами выпить глоток рома?

– Не может он, его очередь на дежурство заступать, – пояснил Светлый. – А сменившийся Кегля сейчас переоденется и к нам присоединится. Ну а когда моя очередь придет дежурить, тогда вы с Ольшином и поторгуетесь.

Все верно он рассчитал: слабые звенья следует держать под особым контролем. Ветерана Мастера – на пост, чтобы не мешался под ногами. Хлюпика Лузгу – за стол, и присматривать за каждым его движением и словом. Ну а самых ближайших и проверенных помощников загрузить нужной работой. Вот только какой?

И словно в ответ на мой вопрос началась вторая часть банкета. Наверняка и кодовое название было типа: «Тихое успокоение новичков обнаглевших, самонадеянных». По лестнице спускались сразу двое: Курица и Кегля. На больших подносах они несли девять глубоких горшочков с каким-то горячим блюдом.

– Деликатес! Мясо тервеля в грибном соусе и с фасолью! – торжественно провозгласила любовница уже несуществующего управляющего. – Одно из самых популярных и вкусных блюд на Дне. Есть еще десяток подобных лакомств, которые я вам в ближайшие дни приготовлю. А уж когда наши охотники вернутся, мы такой пир закатим! Мм!

Вот так приговаривая и присвоив себе звание лучшего кулинара, она живо расставила горшочки перед каждым из сидящих за столом. Олег сразу пригнулся к своей порции, втягивая ноздрями ароматы и порыкивая от предвкушения. Зачерпнул ложкой соус, обжигаясь, проглотил, извлек кусок мяса, да так и оставил на горшочке, в ложке. Мол, пусть остывает. А сам опять потянулся разливать.

– Верно! – одобрил я. – Под горячее – самое оно выпить чего-то горячительного. Да ты и бабам наливай, не стесняйся, нам рома нежалко. Пусть побалуются, пока управляющего да их хозяина Ольшина рядом нет. Ха-ха! Когда им еще так повезет?

А сам в то же время максимально напряг все данные мне Первым Щитом силы и умения. И начал со сравнения поставленных на стол порций. И пока балагурил с Олегом и мерзко улыбавшимся Кеглей, успел уловить основные различия, а потом и понять, что нам подсунули не

яд. В наши с Ксаной горшочки подсыпали довольно большую дозу усыпляющего зелья. Такая доза могла человека со слабым сердцем отправить на тот свет.

Но что самое интересное, точно такое же сонное зелье оказалось и в горшочке Лузги Тихого. Ну разве что доза была чуть меньше. А значит, злоумышленники сомневались в парне и собирались обезопаситься с этой стороны. Но зато и у нас теперь стало на одного потенциального врага меньше. Пусть и не сочувствующий и уж тем более не наш ярый сторонник, но, в крайнем случае, на нейтралитет Лузги мы могли рассчитывать. Тем более что парень располагался в самой неудобной позиции для исполнения моей задумки – рядом со мной слева. Рядом с ним сидела Франя Ласты, напротив нее и в торце стола – двойняшки, Курица напротив Тихого, ну и Олег с Кеглей – напротив нас с Ксаной. Действуя по плану, я поднялся, держа в руке стакан, но пить не стал, а обратился к оруженосцу:

– Слышь, Молчун, а может, все-таки хряпнешь рому? Под горячее, а? Смотри, какая вкуснятина!

Рыцарский шлем пару раз уверенно мотнулся в стороны, показывая отрицание.

– Ну а если рабыни станцуют на столе, – продолжал настаивать я, – тогда выпьешь?

На этот раз рыцарь кивнул. Чем поразил всех присутствующих. А Светлый прямо подпрыгнул на месте:

– Хо-хо! Так, оказывается, Молчун – тоже бабник?! Ну, ребята, вы и влипли! Никогда богатств не накопите, все в дырки спустите! Ха-ха-ха!

Он ведь не догадывался, что Ксана послушно выполняла мой последний наказ.

Все это я придумал для того, чтобы подольше стоять и провести отвлекающее действие. Делать это сидя было бы сложнее.

Получилось. Своими тринитарными всплесками я столкнул на пол кувшин, стоявший на комоде за лестницей, и одновременно с этим затряс с помощью охлаждающего «сквознячка» дверцу массивного, из толстых досок шкафа. Эффект превзошел все ожидания. Не знал бы сам, что творю, заикаться бы стал от страха. Двойняшки взвизгнули, Курица замычала, Кегля и Олег чуть лбами не столкнулись, выворачивая головы назад, Лузга и Франя онемели, выпучив глаза, и даже Ксана непроизвольно подалась ко мне, пытаясь то ли за меня подержаться, то ли спрятаться за спину. Хорошо, что другие этого не видели, потому что смотрели на оживший шкаф, словно тот превратился в разъяренного тервеля.

Так что мне никто не помешал претворить в жизнь вторую часть марлезонского балета. Я молниеносно поменял все три порции с сонным зельем, поставив их перед нашими врагами. А их горшочки поставил себе, Ксане и Тихому. Еще и ложку Олега с мясом водрузил на подмененный горшочек точно так же, как она и лежала.

Теперь оставалось только немножко выждать.

Глава пятая
Сбор подданных

Процессия, возглавляемая Шаайлой, продвигалась два часа практически без остановок, разве что мужчины, несущие носилки с Чернавкой, иногда для разнообразия менялись местами. Червяк шел в рваной одежде, доспехи ему не дали. На Дорте Медовом была легкая броня из кожи. Поэтому самой уставшей выглядела вашшуна, облаченная в рыцарские латы. И она решила снять с себя это железо, как только они остановятся.

«Зачем я надрываюсь, если мне надо силы экономить для другого? – думала она. – Был бы Михаил Македонский рядом со мной, уже давно бы высмеял! – Вспомнив необычного парня-героя, она загрустила: – И где он сейчас? Наверное, уже и забыл обо мне… И разыскивать не станет. Какой-то он…»

Тут Дорт рассмотрел впереди очередной ориентир в виде двух камней, один на другом, и радостно сообщил:

– О! До родника осталось метров сто пятьдесят. Как раз там, между пяти острых скал, и расположимся.

Девушка уж давно рассмотрела эти скалы, как и целую свору собачонок у их подножий. Наверное, на водопой пришли. Предел видимости она высчитала уже давно, как и выяснила все о сумрачном состоянии подземной атмосферы. Если самые зоркие могли видеть здесь на шестьдесят метров, то иномирянка довольно четко различала предметы на дистанции в триста метров. Что уже смело можно было считать отличным бонусом для выживания.

– Как далеко видят шавки-шакалята? – спросила она.

– Точно никто не знает, ваше могущество. Каждый утверждает по-разному, но правда находится в промежутке между сорока и семидесятью метрами.

– Хорошо. Останавливайтесь и ждите меня здесь. Когда услышите свист, тронетесь вперед.

И уверенная, что ослушаться ее никто не осмеет, вскоре скрылась из поля зрения своих подопечных. У певца тут же мелькнула мысль, что более благоприятного момента для побега у него не будет. Он стал оглядываться, прикидывая, в какую сторону бежать, но замер, услышав голос Червяка:

– Не торопись! Прежде чем совершить необдуманный поступок, послушай меня внимательно. Ты понял, что колдунья видит многократно дальше, чем мы?

Старожил Дна растерялся:

– Ты уверен?.. А ведь и в самом деле… Мне тоже так показалось, когда она двинулась впереди и стала интересоваться всей цепочкой ориентиров… И что теперь?

– Да ничего, думай дальше: твоя жизнь так уж безопасна в твоей башне? Можешь не отвечать, я тебя тоже внимательно слушал. А что нам даст беспрекословное служение Шаайле? Если не соображаешь, могу подсказать: длинную и спокойную жизнь. А скорей всего, и быстрый сбор груанов для всех нас троих. Ты себе только представь, укрощенные монстры будут сами приходить к колдунье и отдавать свои ракушки добровольно.

Дорт замотал головой от представившейся картины, но сразу нашел неувязку:

– Для всех не получится, женщины Светозарными не становятся.

– Тем более тебе будет выгода. Я-то ведь Зэру не брошу и останусь с ней навсегда. Зато тебе больше ценной добычи достанется, и ты обернуться не успеешь, как взлетишь в верхний мир.

Подобные перспективы сменили намерение Медового податься в бега на противоположное:

– Так я и сам уже согласился служить ее могуществу с радостью и усердием!

– А чего тогда так воровато осматривался?

– Ну не буду же я при женщине ходить по нужде! – заявил мужчина и показал на ближайший валун. – Я вон туда, если что, не вздумайте меня здесь бросить!

И с деловым видом отправился по насущным делам своего организма. А тихонько лежавшая Чернавка прошептала:

– Барс, ты молодец, что сумел уговорить этого балбеса. Иначе колдунья сильно бы разозлилась…

– Дорогая, лежи и не напрягайся, тебе даже говорить не рекомендуется. И не забывай, что я циник, и ради любви к тебе пойду на любое преступление. Мало того, что Шаайла при желании этого придурка все равно догонит, так мне еще и помощник нужен, чтобы тебя доставить в тихое место и обеспечить надлежащий уход. Идти-то нам почти сутки… В лучшем случае…

Избитая красавица, выглядевшая сейчас еще страшнее, чем вашшуна, попыталась сжать руку мужчины своими окровавленными пальцами:

– Ты… ты давал клятву…

– Тихо, тихо! Я от нее и не отказываюсь, и не подумай, что, давая, пытался схитрить. Я и в самом деле буду ее оберегать лучше отца родного, лишь бы она тебя вылечила, помогла нам устроиться в безопасном месте и попросту опекала. Потому что мне кажется, и она сама никогда со Дна не выберется. Женщина действительно не может стать Светозарной. Сама ведь знаешь…

Зэра, несмотря на головокружение, соображала на удивление здорово, хотя и говорила еле слышно:

– Но если она сумеет обмануть Длань, то что ей стоит обмануть и прибывшую за ней клеть? Да и сомнения у меня имеются. Так уж это бесспорно, что женщины не выходят в верхний мир?

– Ну да… ты права. Ты – настоящая умница! Это мы вырвались в разбойники, и нам кажется, что мы свободны. А на самом деле весь наш мир Набатной Любви – в рабстве у гаузов. Даже валухи – их беспрекословные слуги.

Наверное, он понял по глазам своей любимой, что она хочет сказать, и поспешно продолжил:

– Ну да, я не оговорился: нам именно кажется, что мы свободны. Не хотел тебе рассказывать раньше, да и не успел… Приняв дела казначея, а потом и атамана, я узнал страшную правду. Оказывается, мы все под неусыпным контролем кораблей гаузов. И они попросту нам разрешают сбросить пар, поиграться в свободу и за это требуют только одно: никого не казнить, а сбрасывать на Дно. За это они дают деньги, льготы, и за десять лет атаманства или казначейства даруют полное прощение. Вдобавок предоставляют домик в самом престижном месте любого на выбор сектора или города. И наивысшая награда – это излечение от черной гнили, которую в наших внутренностях вызывает убийственный Ласоч. Но только после десятилетней выслуги. Вот потому наши главари так бесились, не укладываясь в этот срок. Только два типа в истории вроде «ушли на пенсию к детям».

– Кошмар… – еле слышно прошептала Чернавка.

– И помалкивай! Потом я тебе все расскажу подробно. Вон уже наш боевой «побратим» возвращается.

– А ей? – выдохнула девушка.

Червяк понял, о ком идет речь. И, встав с колен у носилок, уверенно сказал:

– И ей поведаю обязательно. Она должна знать, что наверху творится, и делать соответствующие выводы.

Тут послышался залихватский свист, и мужчины, подхватив носилки, поспешили на зов колдуньи. Но, уже подходя к скалам, замерли, когда им под ноги со злобным рычанием выка-

тился десяток представителей не то шакальей, не то обмельчавшей собачьей породы. Дорт уже собрался было пинать шавок, как раздался повелительный голос Шаайлы:

– Куда это вы?! А ну, назад! И не сметь даже рычать на моих подданных! Запомнили их? Вот и отлично! Продолжайте нести службу! Охраняйте!

Собачата, усиленно помахивая вдруг задравшимися кверху хвостиками, бросились врассыпную.

От такой картины Медовый вновь замер каменным столбом, и пришлось сзади идущему товарищу толкнуть его носилками:

– Топай, топай! У меня уже от голода живот свело, надо будет хоть воды напиться побольше!

Носилки опустили на землю. Старожил Дна, окончательно уверовав в силу своего нового патрона, с придыханием поинтересовался:

– О, Дива, указующая путь! А вы и в самом деле сумеете заставить тервелей и байбьюков приносить вам груаны?

– Кто тебе такое наболтал? – Шаайла покосилась на невозмутимого Червяка. – Всему свое время, и больше не приставай ко мне с глупыми вопросами!

Дорт счастливо улыбнулся. Он понял, что и у него появился изумительный шанс стать Светозарным, о чем он в страшной, кровавой повседневности уже и мечтать перестал.

А чтобы заслужить такое, что надо? Правильно: работать так, чтобы подметки от скорости рвались. Вот он и старался! Носил в обеих флягах воду, словно заведенный. А колдунья с бывшим казначеем разбойников тщательно отмывали постанывавшую Чернавку. Конечно, иномирянка могла просто использовать свои умения, но к чему тратить силы? Они и так накапливались с большим трудом и во время похода так и не наполнили до краев внутренний резервуар. А ведь еще ни одной опасной встречи не было на пути! Ни одного громадного монстра не попалось.

Еды было мало. Треть Шаайла съела сама, запила водой и с отчаянием посмотрела на опустошенный мешок.

– На Дне любая живность съедобна, – тут же подсказал Медовый. – Можно быстренько зажарить пару собачек…

– Ты что?! – выпучила на него глаза колдунья. – Они такие милые, беззащитные…

Тяжело вздохнув, старожил Дна не стал вслух вспоминать сотни печальных историй, когда эти «милые» шавки загрызали даже нескольких путников. Вместо этого он решил поведать об основных вехах предстоящего пути:

– Если так и будем двигаться кратчайшей дорогой, то доберемся до первой Длани через три, три с половиной часа. Тогда, если примем перпендикулярно в сторону, то уже через час будем в другом пункте выдачи пайка. В итоге можем потерять чуть ли не два часа времени. И возле второй Длани слишком уж бывает многолюдно. Хотя в таких местах не принято совершать агрессивных действий, но всяких уродов у нас тут хватает…

То есть он разложил все по полочкам, а уж окончательное решение должна принимать колдунья. Она перевела взгляд на Червяка, словно разрешая и тому высказаться. А он, только ради того, чтобы накормить любимую, и обильно, и как можно быстрей, готов был крюк делать и в сорок часов. Потому ответил без колебаний:

– Сворачиваем к ближайшей кормушке!

– Тогда, если тут близко, сэкономим время на привале, – решила предводительница мини-отряда. – За мной! И не молчи, Медовый ты наш, начинай перечислять ближние и дальние ориентиры!

Десять собачат двинулись вместе с людьми, то бегая по окрестностям, то возвращаясь к носилкам и осторожно к ним принюхиваясь. Через полчаса именно эти шавки и подсказали злобным рычанием, что впереди некая опасность.

Вашшуна, заметившая байбьюка гораздо раньше них, только заинтересованно воскликнула:

– Ну и шарик! В самом деле – безобразное чудовище. О! Здорово! Прыгает-катится нам навстречу!

И столько в ее голосе послышалось радости и азарта, что обладатель певческих талантов опять невольно вздрогнул:

– Ваше могущество! Это все-таки монстр! Одному опытному воину с ним справиться – настоящее геройство. Вы бы с ним поосторожнее…

Колдунья только отмахнулась, с энтузиазмом устремляясь вперед. Она всматривалась в складку на лбу байбьюка, помня, что именно там порой хранятся вожделенные ракушки. Но как ни старалась, так ничего и не заметила. А приблизившись на пять метров, ударила по нервной системе животного, заставив того на две минуты замереть на месте от боли. И принялась подбирать ключики к животному и перераспределять свои силы.

За это время мужчины с носилками приблизились и смогли наблюдать дальнейшую сценку.

Вот женская фигурка сделала первый шаг и приподняла ладошку, стараясь четко сконцентрироваться на простом приказе: «Чуть откатиться в сторону, потом – вернуться обратно!»

И тут случилось неожиданное. Несмотря на явные болевые ощущения, шар с диким воплем «Байбьюк!» крутанулся назад и помчался прямо-таки с невероятной скоростью куда глаза глядят. Хотя глаз у него не было, только рот, четыре дыхательных и обонятельных отверстия и шесть дырок вместо ушей, расположенные треугольниками по сторонам от лба.

Дорта поразила скорость хищника. Когда они подошли к расстроенной девушке, он сказал:

– Если я кому расскажу, что шар умеет катиться с такой громадной скоростью, мне никто не поверит. Считается, что бегущий человек легко отрывается от этого монстра. Тервели вообще ползают со скоростью пешехода…

Шаайла удивленно воззрилась на него и вновь устремилась вперед, бормоча себе под нос:

– Чего это он от меня убегать вздумал? И ведь сумел, зроак его сожри, с «поводка» сорваться… Или он такой сильный, или это я такая неумелая? На ком бы еще раз попробовать?

Но сколько она ни всматривалась во все стороны, ни одной крупной твари больше не заметила до самой Длани. Разве что шавки спугнули с лежки одно диковинное животное, этакого громадного зайца-кенгуру. Это был местный скользкий заяц, но умчался он настолько быстро, что глаза восприняли его только как яркое желто-розовое пятно. Его удивительная по прочности и расцветке кожа очень ценилась.

В остальном – никакой опасности.

– Почему здесь так пустынно? – спросила вашшуна у местного старожила. – Неужели всех монстров охотники перебили?

– Сам удивляюсь! – дернул плечом Медовый. – Обычно по этим долинам только и мечешься, пытаясь убраться с пути двойки, тройки, а то и квартета бродящих здесь монстров. Наверное, сейчас у них затишье перед брачными играми или перед битвами. Такое бывает.

– Ладно, – смирилась с неудачей Шаайла. Она уже видела впереди главные ориентиры местной Длани. – Теперь слушайте внимательно, как вам надо себя вести и что говорить, если мы кого-нибудь встретим возле пункта раздачи пайков…

И приступила к подробному инструктажу.

Глава шестая
Многоходовая комбинация

Обе женщины довольно быстро стали для Леонида Найдёнова не только партнершами в постели, но и единомышленниками во всем. А если и ревновали немного, то лишь друг к дружке, все еще пытаясь хоть на полкорпуса вырваться вперед в гонке за доверие «нашего» Чарли. И не обращали внимания на других девушек Чаплина, понимая, что их положение гораздо выше обычных постельных утех. За последние дни мастер переспал с несколькими танцовщицами и акробатками, не в силах устоять перед их красотой и настойчивостью, но это нисколько не сказалось на роли в новом коллективе арляпаса Лизаветы и Лады.

Обе занимались финансами, кадровыми вопросами и делами аренды. И никаких сомнений не вызывало, что на эти места вокруг Звездного Чарли уже никому, по крайней мере в ближайшие годы, не протолкнуться.

– Девочки, что бы ни случилось со мной и куда бы я ни исчез, арляпас моего имени станет вашей, и только вашей личной собственностью, – сказал он им вчера. – Поэтому занимайтесь им, изучайте его, лелейте и взращивайте это дело как свое собственное. – Он понизил голос: – Сейчас я вам кое-что скажу, только об этом никто и никогда не должен узнать! Слышите?

Женщины дружно кивнули.

– Ну вот посмотрите: в вашем городе меня раньше не было. Значит, я прибыл из другого. Так? Но ведь вы никогда не слыхали о Чарли, верно? А теперь скажите, смог бы я преспокойно жить в другом городе и не организовать там подобный арляпас?

– Нет! – сказала Лизавета. – Такое в голове не укладывается.

– А что это значит? Только одно: тихая, незаметная, спокойная жизнь меня устраивала совершенно. Смешно? Еще бы! Странно? Более чем! Но коль так уже было, то так опять может быть. Я вернусь в образ тихого и ничем не выделяющегося из толпы провинциала.

– Такое невозможно! – заявила Лада. – У тебя не такая натура.

– Тебе собственный характер не позволит сидеть сложа руки! – поддержала подругу Лизавета. – Да и внешность у тебя слишком веселая, не позволяющая долго грустить или бездельничать.

– Внешность еще не показатель, – нисколько не обиделся изуродованный в детстве мастер манежа. – Ее могут изменить старость, хирург или омоложение… Верите в такое?

Женщины были вынуждены согласиться с подобным утверждением. Еще и припомнили:

– Не секрет, что гаузы смогут любого омолодить при желании.

– Да и Светозарные никогда не стареют. Кажется…

– Вот! Поэтому я вам еще раз говорю: если мне придется надолго пропасть, а то и насовсем исчезнуть, ваш долг и святая обязанность взрастить наше детище, поставить его крепко на ноги и стать самыми знаменитыми импресарио. Иного – не дано!

Да, этот разговор состоялся вчера.

А сегодня Леонид решил открыться до конца. Не доводя дело до любовных игрищ, он начал:

– На прежнее место жительства вернуться пока не могу по многим причинам. А здесь живу без жетона. Как мне зарегистрироваться в нашем секторе под своим именем Чарли Чаплин?

Соратницы стали давать советы, но Леонид находил в них изъяны и отвергал. В том числе и те, что были связаны с посещением управы сектора, кражи нового жетона и подкупа поставного или его старшин. Рисковать не стоило.

И когда, казалось, девушки исчерпали себя, в голову Ладе пришла гениальная идея. Она, правда, не кричала как Архимед, выскочивший из ванны, а начала буднично, издалека:

– Ли, ты помнишь того желудя, который вдруг в меня страстно влюбился полгода назад?

– Которого? – спросила подруга, морща лоб в воспоминаниях. В таких шикарных барышень, как они, влюблялись чуть ли не каждый вечер.

– Да этого нудного типа, который впервые попал в арляпас и сидел с отпавшей челюстью, только на меня и пялясь? О, вспомнила! Его звали Флип!

– А-а-а! Это тот, над которым мы издевались, когда он дежурил на выходе, поджидая тебя? Помню, как в лицо ему смеялись: «Флип – ну ты и влип!» Хи-хи!

– Ну, вам-то все хиханьки были, – вздохнула Лада. – А мне пришлось от него чуть ли не кулаками отбиваться. Месяц он мне прохода не давал, ревнуя к каждой тени и тратя на меня, наверное, все свои сбережения. И несколько раз откровенничал до такой степени, что меня в дрожь бросало. Да я тебе и про это говорила…

Лизавета подумала и воскликнула:

– Точно! Этот идиот пытался идеи борьбы с гаузами претворять в жизнь с помощью террора. Все рвался в разбойники податься, в северные леса…

– Вот-вот! Он даже мне предлагал все бросить и отправиться с ним. Обещал златые горы и кучи сокровищ. Мол, этого добра у разбойников – полные сундуки. Плел про свободу, романтику сражений и очарование жизни в диком лесу. Но я с ним все равно рассталась, разве что иногда он ко мне наведывался с цветами…

Леонид не выдержал:

– Очень интересно. Но не пойму, каким боком этот Флип ко мне имеет отношение?

– Два месяца назад он неожиданно пропал насовсем. Только и заявил при последней встрече: «Ты мне не веришь, но я тебе докажу! Отправляюсь в северные леса и вернусь с сокровищами!»

Чарли Чаплин демонстративно вздохнул, показывая, что эти детали его уже утомили. Но дальше разговор слушал все с большим и большим интересом.

Оказывается, Лада несколько раз была у Флипа дома. Он жил отшельником. Родители его умерли, родственников не осталось, с соседями по улице никаких отношений не поддерживал. И женщин у него никогда в жизни не было. Ну и самое главное, у Лады имелись не только ключи от обители этого страстного желудя-поклонника, но и его письменное утверждение, что она является его гражданской супругой и облечена его юридическим доверием. И она буквально три дня назад в ту квартиру заскакивала, планируя там временно разместить ангажированных артистов. Хотела сэкономить на гостинице. Не успела, Чарли опередил с арендой обоих этажей гостиницы.

В квартире подавшегося в разбойники мужчины все оставалось нетронутым со времени последнего визита Лады два месяца назад, когда Флип дал клятву вернуться к возлюбленной с сокровищами. Наверное, незадачливый тать сгинул где-то в лесах, а то и умер от излучения Ласоча. Таких случаев хватало.

Как следствие, вырисовывалось два варианта: отыскать «внутренний» идентификационный жетон или восстановить якобы утерянный. Как доверенная особа, Лада сама могла пойти в управу тамошнего сектора, отдать заявление, а потом и получить желаемое. Человек-то есть, не умер официально!

На вопрос Леонида, а нет ли Флипа в списке разыскиваемых преступников или покойников, обе красавицы заверили: коль человека не стало или его объявили в розыск, все его имущество описывается, опечатывается и переходит в реестр управы. Дальше – по обстоятельствам. А раз этого не сделано, значит Флип нигде не попался и труп его не найден.

– А как же с именем? – спросил Леонид. Он никак не мог поверить, что такой сложный вопрос может решиться настолько просто.

Оказалось, что со сменой имени еще проще. Уже с полученным жетоном все та же Лада отправляется в четвертый сектор и подает заявление на смену имени. Такая процедура общеизвестна и доступна каждому. Надо только заявить, что покупаешь в данном секторе жилище, и заплатить определенный, пусть и не каждому проходимцу позволительный, налог.

Потом, уже с новым именем, заявиться в сектор здешний, к старшине, этим ведающему, и заплатить новый налог, на покупку обители возле арляпаса. Там могут быть небольшие сложности при оформлении и просьбе о «паспорте» на выезд, но они вполне решаемы с помощью славы, личного обаяния и всего лишь парочки билетиков на представление.

Отпечатки пальцев на жетоне отсутствуют. Группа крови – тоже не пишется. Рост и внешность – примерно одни и те же. Так что никто ничего не заподозрит.

А если Флип когда-нибудь вернется домой?

«Тогда мне уже будет плевать, – рассудил землянин. – Я уже буду в мире Трех Щитов».

Так что Леонид согласился. И уже через час проводил вместе со своими дамами обыск в квартире канувшего в неизвестность поклонника прекрасной танцовщицы. Рыться долго не пришлось, жетон для внутреннего пользования отыскали. Но «междугородний» так и не нашли. Значит, хозяин квартиры точно на север подался.

Первая фаза прошла успешно. Не пришлось и с заявлением рисковать. На следующий день Лада сходила с доверенностью в четвертый сектор, уплатила налог за покупку жилья и сменила имя с Флипа на Чарли. Еще через день был получен новый жетон. А на пятый день Чаплин сам заявился в уже знакомую управу и уладил со старшиной все дела. Уплатил налог, зарегистрировался в выбранном заранее здании как проживающий там и попросил срочно сделать ему документ для предстоящих гастролей. Старшина так расстарался за пяток подаренных ему билетов, что уже вечером, на представлении, лично передал «междугородний» жетон землянину.

В ту ж ночь Звездный Чарли отправился за город – ему захотелось побывать в парке, с которого он полмесяца назад начал знакомство с миром Набатной Любви. Он опасался, что там что-то изменилось и выбраться в другой лес из труб и вентиляционных колодцев теперь невозможно.

К его счастью, это было не так. Новых заборов не настроили, колючей проволокой не огородили, валухов шерengами не выстроили. Детей традиционно загнали обратно в город через два часа, проведя подсчет и закрыв наглухо все дупла (скорей всего, чисто декоративные) в деревьях. Взрослых горожан опять отсчитывали шестерками, не пуская большее количество в лифт. На меньшее количество не реагировали. Что лишний раз подтверждало прозвучавшее в последние дни от разных людей утверждение: «Гаузы не зверствуют. Если Ловчие кого-то поймают, то накажут, но вообще, рвущихся к свободе особо никто не держит. Сами умирают потом от опасного излучения. И таким способом гаузы избавляются от смутьянов».

Значит, главное – не попасться Ловчим. А беглых рабов никто ночами не вылавливал! Некие машины, как понял Леонид, которых и называют Ловчими (стальной шланг одной из них он видел еще из окошек шахты), ловят людей и доставляют на разборки к валухам только в дневное время!

Вот уж странное отношение гаузов к обитателям этого мира.

«Но мне сейчас не до разборок между покоренными и покорителями, – размышлял Звездный Чарли, когда, уже никого не пугаясь, возвращался из парка в город. – Завтра ночью отправляюсь в мир Трех Щитов. И, скорей всего, навсегда! А значит, нужно оставшееся время, все, до последней минуты, посвятить девчонкам. Придется Лизавете и Ладе только и делать, что записывать мои задумки и лучшие номера и слушать пояснения. Этого им должно хватить на годы…»

Придя в гостиницу, он скомандовал:

– Красавицы, подъем! Нас ждут великие дела!

И принялся за объяснения.

Лада и Лизавета отправились на вечернее представление с отрешенными взглядами, настолько у них в головах все перемешалось. Видимо, они не поверили, что могут расстаться со своим любимым другом навсегда, а потому даже не попрощались толком, только поцеловали его по очереди да и поспешили готовить и подгонять всю труппу. Сам Леонид явился в арляпас только перед своей частью программы и дал напоследок жару. Завтра его заменит кто-то из тех, кого он готовил на свое место. А публике объявят: Звездный Чарли убыл в другие города для организации гастролей. Об этом уже говорилось в последние дни, так что переполоха не случится.

Вернулся к себе, переоделся, собрал и рассовал по карманам все свои иномирские штучки и поспешил на очередную «прогулку» в парк. И опять у него никто жетона для досмотра не потребовал.

Парк Леонид покинул неспешным, прогулочным шагом. И направление выбрал вроде верно. А вот при поиске своей башенки пришлось понервничать. В ночной темноте даже обретенные умения лучше видеть не помогали. Да и, как оказалось, отметки маркеров выцвели под лучами Ласоча, лишний раз подтверждая вред опасного сияния.

Но землянин все-таки отыскал нужный колодец и, посветив в него фонарем, не сдержал радостного восклицания: все его вещи, рюкзак, оружие лежали внизу в целости и сохранности!

Спускался осторожно, уговаривая себя не спешить, иначе и ноги можно поломать. По пути прислушивался к звукам, доносившимся из отверстий, но чего-либо особенного так и не услышал. На кухне баронского дома хлопотала прислуга, там мыли посуду, что-то жарилось и парилось. Наверное, у местного барона гости.

Внизу было тихо. Первый знакомый, одиннадцатилетний мальчуган, наверняка уже спал, мечтая о повторном визите домового, так что поговорить было не с кем. Ни видеокамеру, ни ноутбук Найдёнов из рюкзака доставать не стал, хоть так и хотелось подержать предметные напоминания о родной Земле, а сразу принялся готовить оружие. Арбалет решил не собирать, ибо зроаки могли устроить засаду там. В пантеон мира Трех Щитов следовало заявляться только с мечом и метательным оружием. Звездный Чарли набрал в грудь воздуха и смело шагнул вперед с правой ноги. Мир Набатной Любви остался не просто за спиной, а в ином измерении.

Глава седьмая
Новые победы

Дверца шкафа перестала трястись. Олег Светлый уже стоял чуть в стороне от стола, стараясь держать в поле зрения чуть ли не все помещение сразу. В одной руке он сжимал вынутый из ножен меч, а второй махнул Кегле:

– Чего расселся?! Двигай туда и глянь, что там!

Несмотря на все свои уголовные замашки и вид потрепанного шакала, Кегля довольно бесстрашно двинулся к месту применения моих тринитарных всплесков. Откинул ногой обломки кувшина, встал чуть в сторонке и осторожно открыл дверцу вместительного хранилища каких-то сложенных одеял. Естественно, что там не оказалось ни шутника какого-нибудь, ни зверушки притаившейся. Поэтому мужчина презрительно фыркнул, закрыл дверь и направился к столу. Сел и молча приступил к поглощению горячего блюда.

Блондин вернул меч в ножны и, тоже усевшись, опрокинул в себя вначале порцию рома, а потом бросил в рот кусок остывшего мяса.

А я, так и продолжая стоять и делая вид, что растерян, поинтересовался:

– Что это было?

Мужчины не отвечали, а начавшая есть Курица облизалась и стала вещать таинственным голосом:

– Чуть ли не в каждом замке и башне происходят порой такие необъяснимые вещи. По легендам, это шалят привидения некогда живших здесь и внезапно убиенных людишек. И многие не только становятся седыми от подобных проделок, но и умирают от страха! Ну а уж аппетита точно лишаются!

И разразилась резким ехидным смехом. Ее поддержали оба подельника. Они наворачивали мясо и озорными глазами посматривали на меня и Ксану: мол, что, испугались?

Двойняшки тоже ели, посматривали на меня с интересом, если не сказать с восторженностью.

А вот Франя и Лузга как-то не спешили хвататься за ложки, а косились на меня с настороженностью и недоумением. Вероятно, они, сидя лицом ко мне и имея в поле зрения шкаф, заметили мои странные комбинации со сменой горшочков. И теперь пытались сообразить: что же тут произошло?

Пришлось срочно импровизировать:

– О-о! Привидений я просто обожаю! Я умею укрощать этих неугомонных и вредных представителей потустороннего мира. А если они меня пытаются обидеть или навредить, то я уничтожаю эти бестелесные сгустки. Мало того, если кто из людей пытается натравить привидений на меня, то я убиваю всех скопом.

Конечно, высказывание получилось хвастливое. Любой нормальный воин над таким только посмеется. Но на униженную рабыню и пребывающего в некоем мирке печали парня должно было подействовать.

Когда я сел, выпил и с бешеной скоростью стал наворачивать содержимое горшочка, выяснилось, что мои слова не пропали даром и ударили с нужной силой во все цели. Франя и Тихий уставились взглядами в свои порции и стали есть.

А Кегля оторвался от еды:

– Ты-то смелый, а вот Молчун почему не ест? Испугался все-таки?

Пришлось командным голосом сказать Ксане:

– Ладно, парень, раз танцевать на столе никто не собирается, то можешь не пить. Но жрать обязан, как все, по расписанию. Привыкай к общей дисциплине в башне. Нам здесь жить.

Следовало успокоить злоумышленников, показывая, что мы едим и скоро будем в нужной для них кондиции. Ксана это поняла и даже с каким-то особым удовольствием набросилась на угощение. Наверняка неслабо проголодалась. Правда, ей приходилось сложно – раз за разом засовывая ложку в приоткрытое забрало, она быстро испачкала его. Чем вызвала насмешки в свой адрес.

Выпили еще раз по требованию Олега, и у трех наших противников раскраснелись лица и заблестели глаза. Для меня алкоголь был как простая вода. Я наблюдал за троицей и с удовлетворением увидел, что зелье начало действовать.

Первым неверное движение ложкой сделал Кегля, промахнувшись мимо горшочка. Глупо и вроде нетрезво хихикнув, он продолжил насыщаться. А вот Курица стала «зависать». Съела она вдвое меньше, чем мужчины, но и этого для нее хватило. Она раза два замирала, словно в задумчивости, а в третий раз с недоумением уставилась на фасолины с подливой у нее в ложке. И начала причмокивать, стараясь понять, что с пищей не так. Видимо, даже поплыв, она задалась вопросом: «Почему, если должны засыпать другие, так резко потянуло в сон меня?»

Ну и догадалась, конечно. Выронив ложку и цепляясь слабеющими пальцами за столешницу, она не так воскликнула, как простонала:

– Подменили!..

Блондин повернул к ней голову, понял, что сделал это медленнее, чем собирался, и тоже осознал опасность. И попытался принять меры. Резко откидываясь назад, он возжелал упасть через голову, на ходу выхватывая меч. И будь он в полной своей силе, может быть, и успел бы это сделать.

Но я-то ведь уже был в наивысшей боевой готовности и просчитал каждое свое движение. Стараясь не зацепить Лузгу Тихого, выдернул меч из ножен и, разворачивая его над столом острием вперед, все-таки достал ускользающую от меня голову опасного во всех отношениях садиста. А так как у меня уже выработались приемы борьбы с самыми злейшими врагами зрооаками, то и точка приложения удара получилась самая эффективная. У людоедов мира Трех Щитов наиболее уязвимые места – виски, вот и тут кончик моего меча проткнул Олегу Светлому висок. Его тело продолжало двигаться по инерции и даже умудрилось кувыркнуться через голову, но смерть уже наступила. Олег замер на полу с подломленными под живот руками.

А я попытался достать попятившегося второго уголовника. Кегля уже держал в одной руке кинжал с длинным тонким лезвием, а второй довольно лихо раскручивал гирьку на цепочке. Такой штуковиной можно не только огреть противника по голове, но и меч вырвать умеючи. Мне нравилось, что враг не орал, призывая на помощь оставшегося на посту Ольшина. То ли сонное зелье мозг затуманило, то ли силы экономил. Потому что понял: я единственный соперник. А причиной этого понимания была моя подруга, только-только начинавшая неуклюже подниматься с пола, куда я ее бесцеремонно столкнул, вскакивая из-за стола. Как-то мне показалось неудобным перепрыгивать через стол, превращая закуски и наши горячие блюда в сплошное месиво. Вот потому и двинул в сторону, грубо толкнув свою подругу. А шлем-то слетел! И все поняли, кто скрывался под видом рыцаря по прозвищу Молчун.

В том, что я справлюсь со своим противником, сомнений не было, но ведь и за спину следовало оглянуться хотя бы пару раз. Там ведь оставался пусть и флегматичный с виду, но совершенно непонятный нам Лузга. Ну и с Курицей еще не все было ясно. Я сделал обманный выпад и быстро осмотрелся.

Парень сидел с отвисшей челюстью, но уставился расширенными глазами не на труп садиста или на наш с Кеглей поединок, а на кое-как поднявшуюся Ксану. А уже вставшая Курица, пошатываясь и держась одной рукой за стол, пыталась второй достать что-то из-под задранной юбки. Вполне возможно, метательный нож. Так что следовало не затягивать и кончать начавшего приходить в бешенство Кеглю. Мне только берсерка тут не хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.